

Буало-Нарсежак

ТАЙНА ЧЕЛОВЕКА С КИНЖАЛОМ

Дорогие друзья!

Издательство «Коллекция «Совершенно секретно» представляет вам новый цикл детских детективных повестей. Его авторы — Пьер Буало и Тома Нарсежак — известные французские писатели, признанные мастера современного детектива. Кроме многочисленных романов для взрослых, они пишут и детские детективы, герой которых — пятнадцатилетний Франсуа Робьон по прозвищу Без Козыря — не мыслит своей жизни без тайн и приключений и нередко оказывается на высоте там, где взрослые бессильны.

Предлагаем вашему вниманию первую книгу цикла о приключениях Без Козыря.

Дет. лит.

84(4ФРА)
Б90

Буало-Нарсежак

ТАЙНА ЧЕЛОВЕКА С КИИЖАЛОМ

25 185 - 164

Централизованная
библиотечная система
ИЗ ЦАО г. Москвы

к

КОЛЛЕКЦИЯ
"СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО"
МОСКВА 1995

Б 90

ББК 84.4 Фр.

Перевод с французского Ю. Гайдуковой

Художник Д. Тоом

Буало-Нарсежак.

Б 90 Тайна человека с кинжалом: Пер. с фр.— М.:
Коллекция «Совершенно секретно», 1995.—256 с.,
ил.— (Детский детектив).

Издательство «Коллекция «Совершенно секретно» продолжает серию «Детский детектив» изданием нового цикла повестей Буало-Нарсежака о приключениях Франсуа Робьона по прозвищу Без Козыря.

В этой книге Без Козыря разгадывает тайну рыцарской лошади, которую слышно, но не видно, и вступает в единоборство с ожившим портретом зловещего человека с кинжалом...

Б 4320001123—023 без объявл.
4М9(03)—95

ББК-84.4 Фр.

ISBN 5-89048-127-8

- © Гайдукова Ю., 1995 г., перевод.
- © Тоом Д., 1995 г., оформление.
- © ТОО «Коллекция «Совершенно секретно», 1995 г., составление.

ТАЙНА ЧЕЛОВЕКА С КИНЖАЛОМ

ЗАГАДОЧНОЕ ПОКУШЕНИЕ

Ла Шенэ, 5 августа

Дорогой Луи!

Благодарю за заботу; я чувствую себя лучше. Добрый доктор Доден, у которого я лечусь уже несколько лет, говорит, что дела мои обстоят неплохо. К тому же от подагры еще никто не умирал, а мы, Руайеры, все живем до глубокой старости. Кроме того, я всегда могу съездить в Шатель-Гюйон, это ведь недалеко. Говорят, шательская вода обладает замечательными свойствами — авось да поставит меня на ноги.

Разумеется, я шучу. Увы, Шатель меня не излечит. Но не волнуйся, я нашел применение своей ноге: беру свою любимую коляску, над которой все потешаются, уезжаю подальше и подолгу брожу по лесу. Я ни за что на свете не согласился бы умирать от скуки на водах для того лишь, чтобы поправить свое здоровье.

Обещаю тебе приехать в Париж на открытие

галереи. Ты выбрал для нее прекрасное место, и я его ясно представляю. Это как раз напротив Зала Гаво. Несмотря на конкуренцию, ты должен преуспеть. Во время нашего экономического маразма живопись — не только ценность, но и спасение.

Что до меня, я покончил с делами. Только изредка случается еще продать что-нибудь из мебели или купить какую-то картину. Вот, скажем, вчера я приобрел одно небольшое полотно. Конечно, абстракционистское — мода есть мода. Может быть, ты знаешь этого художника — его зовут Жюльен Февр? Думаю, что в мире подобной мазни у него может быть будущее. Не купить я не мог: этого парня мне рекомендовали. Короче, все удовольствие обошлось мне в три тысячи франков. Я пока повесил эту пачкотню в гостиной, как раз напротив «Человека с кинжалом», но, можешь мне поверить, постараюсь от нее избавиться при первой же возможности. Я не могу себе позволить держать подобный «шедевр» рядом со своими картинами. Какой-то Февр напротив самого Караваджо! Знаешь, на месте Человека с кинжалом я бы...

— Мсье! О, мсье!..

Руайер поднял голову.

— Мсье Руайер!

На пороге библиотеки стояла Сесиль.

— Мсье, это не я! Честное слово!

Нахмурившись, Руайер положил ручку.

— Что-нибудь разбили?

— Мсье, вы знаете, как я стараюсь, и вдруг такое...

Несчастливая старушка всхлипнула, а Руайер быстро пересек библиотеку и вышел в гостиную. Все как будто было в порядке.

— Там... — бормотала Сесиль, — там... Новая картина!

— Ничего себе!..

Полотно Жюльена Февра было все искромсано. Руайер подошел поближе. Кто-то крест-накрест разрезал картину чем-то очень острым — видно, бритвой или ножом.

— Странно! — прошептал Руайер, а вслух сказал, чтобы успокоить старую служанку: — Успокойтесь, ничего страшного. К счастью, это не слишком ценное полотно.

Он перевел взгляд на портрет в черной траурной раме, висящий напротив. С него сквозь прорези темной маски смотрел мужчина в красном одеянии. Человек с кинжалом! Сесиль тоже повернулась к портрету и робко взглянула на кинжал. Разумеется, это всего лишь картина, и все же...

— Я знала, что он принесет нам несчастье,— прошептала Сесиль.

— Ну что вы, Сесиль. Прошу вас, успокойтесь.

Руайер внимательно осмотрел изуродованную картину. Разрезы были тонкие, словно сделанные скальпелем. Сесиль все не отрывала взгляда от кинжала...

— Позовите мне Бенуа,— сказал Руайер.— Эту картину надо сжечь.

Сесиль бросилась выполнять распоряжение, а Руайер, сняв туфли, придвинул к стене стул из старинного гарнитура, обтянутый камчатной тканью с кремовым рисунком на желтом фоне. «Жаль, конечно, становиться на него ногами,— вздохнул Руайер.— Хорошо, что я не тяжелый...» Он встал на стул и снял со стены разрезанное полотно. Погладив драгоценную ткань стула, он проверил, не попортил ли обивку. Нет, никаких следов на стуле не осталось.

Руайер с трудом обулся: правая нога еще болела.

В столовой послышалась тяжелая поступь, сопровождаемая мелкими шажками Сесиль, и в гостиную вошел Бенуа — мастер на все руки, который один стоил всей остальной прислуги. Увидев изрезанное полотно, он покачал головой.

— Да-а, кто-то постарался...

— Это моя вина,— сказал Руайер.— Я не должен был вешать сюда эту пачкотню.— И добавил, указав на Человека с кинжалом: — Не надо было его задевать.

— Я и раньше боялась его,— пробормотала Сесиль.— А теперь вообще сюда не войду!

— А по-моему, ничего тут нет удивительного,— заметил Бенуа.— Окна вечно нараспашку — заходи кто хочешь!

— Нет, Бенуа,— покачал головой Руайер.— Вы же знаете, что я весь день сижу здесь, а если уезжаю на прогулку, то закрываю окна. И, кроме того, в парке всегда кто-то есть — вы или Леонард.

— Леонард работает на огороде,— возразил Бенуа,— а мне в мастерской всегда найдется чем заняться.

— Дело не в этом. Это же не кража, не ограбление... Ведь ничего не украдено. Кто-то хотел погубить картину — и добился своего. Она почти ничего не стоила, но оскорбляла своим присутствием окружающие ее предметы искусства. Видимо, в этом и есть причина...

— И все-таки кто-то должен был сюда войти,— настаивал Бенуа.

— Когда? Сегодня утром все было в порядке. Я выходил из библиотеки только позавтракать — и все равно находился в нескольких шагах отсюда. И дверь между гостиной и столовой всегда открыта. Кто стал бы так рисковать только для того, чтобы порезать картину?

— О Господи! — вздохнула Сесиль.

— Ничего не понимаю,— пожал плечами Бенуа.— А вы осматривали другие комнаты? Может быть, что-то украдено?

— Пойдемте посмотрим,— решил Руайер.

Они прошли столовую, обставленную массивной темной мебелью, и, миновав великолепную, натертую воском дверь эпохи поздней готики, перешли в голубой салон. Здесь хранилась уникальная коллекция французского и бретонского прикладного искусства.

— Все на месте,— констатировал Руайер.

Прежде чем покинуть салон, он любовно оглядел изящные вещицы, каждая из которых досталась ему ценой долгих поисков и больших денег. Вот, например, церковный ковчег, отделанный ла-

зуритом,— Руайер приобрел его в Марселе, у одного антиквара, за сорок три тысячи франков. А вот круглый столик красного дерева времен Людовика XVI, который Руайер купил у одного английского коллекционера за двадцать пять тысяч франков. А сколько здесь еще других, не менее дорогих ему старинных вещей! Когда он их приобретал, он еще был «великим Руайером»... Хозяин замка вздохнул, тихонько прикрыл дверь и догнал слуг.

— Надо бы и наверху посмотреть,— предложила Сесиль.

— Что ж, если хотите...— согласился Руайер.

Второй этаж не был так похож на музей, хотя мебель и картины здесь тоже стоили недешево. Хозяин дома и прислуга поднялись по широкой лестнице и вошли в холл, за которым следовала анфилада парадных комнат. Руайер открывал одну дверь за другой, внимательно осматривал обстановку...

— Все на месте,— прошептал он.

Вскоре осмотр был закончен.

— Ничего не понимаю,— повторил Бенуа.

Они вернулись вниз, в гостиную. Казалось, Человек с кинжалом неотступно следит за ними. Его голубые глаза под маской были такими живыми, что Сесиль не удержалась и показала ему кулак.

— Ух, проклятый! — воскликнула она.— Было бы лучше, мсье, если бы вы от него избавились.

— Типун вам на язык! Это жемчужина моей коллекции!

Воцарилась тишина. Сесиль была уверена — это он, Человек с кинжалом, испортил картину! А Руайер и Бенуа продолжали размышлять...

— Ну что ж, раз с улицы никто не входил,— проговорила наконец Сесиль,— и раз мсье ничего не слышал...

— Ну так что? — раздраженно спросил Руайер.

Сначала Сесиль не рискнула продолжить. А потом наконец произнесла тихим, дрожащим голосом:

— Таким кинжалом это сделать нетрудно.

Бенуа пожал плечами.

— Что будем делать с картиной? — осведомился он. — Выбросим?

Руайер посмотрел на часы.

— Уже пять! Нет, оставьте ее пока. Я жду доктора Додена, он обещал привезти ко мне парижского адвоката с сыном. Я расскажу им, что произошло, — может, они помогут разобраться. А уж потом сожжете картину. А вы, Сесиль, подайте нам в беседку прохладительные напитки. Теперь, пожалуйста, оставьте меня.

Прислуга удалилась. Владелец замка минуту постоял в задумчивости, потом вернулся в библиотеку, перечитал незаконченное письмо и решительно разорвал его.

ПРОКЛЯТАЯ КАРТИНА

Машина ехала по горной дороге, ничем не отличающейся от тысяч подобных дорог. Франсуа Робьон по прозвищу Без Козыря отчаянно скучал. Он так надеялся провести каникулы в Кермоле! Но, увы, в июне мадам Робьон заболела, и врач посоветовал ей подлечиться в Шатель-Гюйон. Поскольку мэтр Робьон тоже чувствовал себя уставшим, он решил, что вся семья отправится в Овернь.

— Но я-то вполне здоров! — пытался протестовать Франсуа.

— Если ты один поедешь в Кермол, мама весь

месяц будет о тебе беспокоиться! Ты думаешь, она забыла, что там случилось в прошлый раз?

— Папа, но ведь я уже взрослый!

— Для мамы, Франсуа, ты навсегда останешься ребенком. Ну а я знаю, что ты настоящий мужчина — и, конечно, сумеешь пережить это небольшое разочарование. Один месяц! Что это в твоём возрасте! И к тому же, надеюсь, вот это тебя развлечет...

И Франсуа получил в подарок замечательную кинокамеру. Какое-то время он был вне себя от радости, но потом к нему снова вернулась тоска по Кермолу. Ведь камера всего лишь фиксирует то, что происходит вокруг, а если вокруг скучотища, к чему тогда камера, даже самая прекрасная? И что интересного может быть в городе на водах? Без Козыря заранее решил, что Шатель-Гюйон не достоин ни одного сантиметра пленки.

Однако горы были прекрасны, как и соборы, окруженные трогательными лужайками. Любитель прогулок нашел бы здесь великое множество тайных тропинок. И Без Козыря часто хотелось навести объектив камеры то на ручеек, выющийся между деревьями, то на живописные развалины в зарослях цветущих кустарников, то на тропинку, убегающую в долину.

Вечерами мадам Робьон спрашивала его:

— Ну как, заснял что-нибудь интересное?

— Нет, тут все так банально. Эти места годятся только для почтовых открыток.

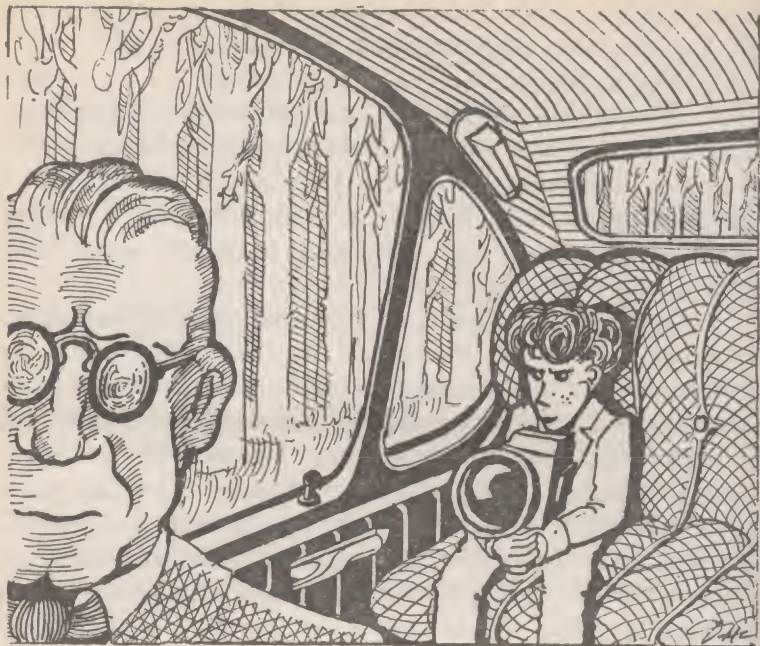
— Но в Бретани было то же самое, Франсуа.

— Ничего подобного! Там был ветер!

— Мне бы не хотелось, чтобы ты скучал.

— Не волнуйся, мама.

Но отец — отец все понимал. Он видел, что Франсуа заранее настроился все критиковать, и с улыбкой смотрел, как его сын спускается по прос-

пекту Барадюк с видом скучающего туриста с камерой через плечо, снисходительно озирающего окружающий пейзаж.

— Знаешь,— говорила мадам Робьон мужу,— кажется, напрасно мы его сюда привезли.

— Ничего, освоится,— отвечал адвокат.— Когда мне было столько же лет, сколько ему, со мной тоже было непросто. В пятнадцать лет самолюбие — это своего рода болезнь.

Без Козыря мечтал, забившись в уголок машины. Доктор Доден все болтал и болтал. Коллекция Руайера, коллекция Руайера... Неужели больше не о чем поговорить? Старый зануда!

Они проехали Вольвик. «Знаю, знаю,— усмехнулся про себя Франсуа.— Три тысячи триста жителей, пятьсот три метра над уровнем моря, реко-

мендуется посетить замок Турноэль в ущелье Анваль, достопримечательность — собор Черной Богоматери из Марсата. Отметка в путеводителе — две звездочки. Подумать только, а мой чудесный Кермол они удостоили всего одной!.. Не хочу я никуда ехать. Не хочу, и точка!» Франсуа еще сильнее вжался в сиденье, злясь на эту глупую прогулку, на пейзаж, на доктора, отца, а больше всего — на себя самого. «Да что же это со мной? — думал он. — Вроде бы мне не на что жаловаться, родители на меня не давят, я хожу куда хочу, у меня есть деньги. Может, я сам становлюсь занудой? Но ведь совсем недавно, в пасхальные каникулы, я был значительной персоной, я раскрыл в Кермоле настоящую тайну... А теперь превратился в отдыхающего. Слово-то какое противное! Удача улыбнулась мне — и ушла, оставив меня безутешным. Мне нужны приключения, и от этого меня никакие воды не излечат!»

— Это вон там, — сказал доктор. — Налево и сразу же направо.

Мэтр Робьон вынужден был сманеврировать: его машина была довольно длинная и немного тяжеловата на поворотах. И вот наконец они увидели Ла Шенэ...

Этот замок представлял собой одно из прекраснейших зданий XVII века, еще сохранившихся в Риоме. Простые строгие линии, полные благородства высокие окна, величественный подъезд... Все вместе было немного мрачновато, но благодаря своему саду, полному роз, гортензий и шалфея, замок казался праздничным.

Доктор Доден снова заговорил:

— Я забыл вас предупредить... Не удивляйтесь, что мсье Руайер всегда в черном. Пять лет назад в автомобильной катастрофе он потерял жену и сына и с тех пор носит траур. На вид ему года шесть-

десять четыре или шестьдесят пять, но на самом деле мы с ним почти ровесники: ему пятьдесят, а мне пятьдесят два. Он никогда не отличался душевной стойкостью, и горе совсем его подкосило. Около полугода он лечился в специальном санатории, а потом продал все, чем владел в Париже: машину, особняк, картинную галерею... И очень жаль: ведь он был известным экспертом в области искусства, его знали по всей Европе. Но он принял решение — решительно перечеркнул всю свою прошлую жизнь и заживо похоронил себя здесь.

— Однако его могила просто великолепна, — заметил адвокат, ведя машину по тенистой аллее.

— Да, я бы тоже от такой не отказался, — усмехнулся доктор. — Этот бедняга бережно хранит мебель и картины, которые любила его жена, в частности полотно кисти знаменитого Караваджо. Одна эта картина стоит целого состояния... В общем, за этими стенами хранятся миллионы. А он живет там среди своих воспоминаний и никого не принимает. Для вас Руайер сделал исключение по моей просьбе — мне он ни в чем не отказывает. Представьте только: я езжу сюда ежедневно... Понимаете, — доктор придвинулся поближе к адвокату и продолжал полусшепотом: — у него не все в порядке с головой. Сейчас, летом, он частенько гуляет в своей коляске; кстати, он больше не пользуется машиной. Прогулки его немного отвлекают. Но зато зимой... А ведь зима здесь длится восемь месяцев! У него трое преданных слуг, но с ними не поговоришь о том, что ему дорого. И вот поэтому я приезжаю к нему и слушаю, что он рассказывает. Я врач, который лечит, выслушивая пациентов. Нужно признать, что благодаря Руайеру я стал разбираться в живописи лучше, чем некоторые студенты факультета изящных искусств.

Без Козыря с трудом сдержал зевоту. Как только они вышли из машины, он из вежливости навел свою камеру на замок, сделав вид, что Ла Шенэ произвел на него сильное впечатление. Потом он нагнал отца и доктора.

Навстречу им торопился слуга.

— Это Леонард,— представил его доктор.

— А что, собак нет? — удивился адвокат.— Этот замок — неплохая приманка для воров.

— В наших краях мало кто знает, что Ла Шенэ — настоящий музей,— отозвался доктор.— Местные считают господина Руайера просто старым чудачком.

Леонард открыл решетчатые ворота.

— Прошу вас, господа, извините, что я не успел переодеться. Я занимался Бланшеттой. Мсье в библиотеке.

Старый слуга отличался такой худобой, что даже удостоился чести быть заснятым на пленку. Его нос был похож на клюв, а кожаная куртка блестела, как птичье оперение.

— Бланшетта,— объяснил доктор,— это кобыла господина Руайера. Прекрасное животное — и знает эти места лучше, чем охотничья собака. Я бы даже рискнул сказать, что это она прогуливает своего хозяина и выбирает для него маршруты. Я ведь говорил уже, что господин Руайер больше не ездит в автомобилях? У него есть только маленький грузовичок, который служит для поездок за покупками.

Широкая стеклянная дверь библиотеки выходила в сад. Господин Руайер уже встречал гостей. Он был довольно высок ростом, но сгорблен; поседевшие волосы и изможденный вид делали его похожим на монаха. Руайер представлял собой резкий контраст крепкому и простоватому доктору Додену.

— Добро пожаловать в Ла Шенэ,— проговорил он.

Пока шли взаимные приветствия, Без Козыря успел заглянуть в просторную комнату, показавшуюся ему мрачной из-за множества книг, пустого — ни единого цветка — письменного стола и строгих кресел. А Без Козыря любил беспорядок. Хозяин в трауре, библиотека по стойке «смирно», замерший в безмолвии дом... «Бр-р-р,— сказал себе Без Козыря,— здесь и жить надо как на цыпочках!» Но тут он насторожился...

— Вы как адвокат суда присяжных,— говорил Руайер,— наверняка занимаетесь расследованиями. У нас здесь произошло событие, которому я не нахожу объяснений. Может быть, вам удастся в нем разобраться?.. Но прежде чем начать, я хотел бы рассказать, как расположены комнаты в доме. Прямо перед вами находится западный фасад. На лево — библиотека. Направо — гостиная и, наконец, столовая в форме буквы «Г». Все эти комнаты между собой сообщаются. Так вот, после завтрака, когда я писал письмо у себя в кабинете, Сесиль вошла в гостиную и увидела, что одна картина изрезана. Скажу сразу, что эта картина не представляет особой ценности.— Руайер взглянул на доктора.— Речь идет о полотне Жюльена Февра.— И, повернувшись снова к мэтру Робьону, он продолжал: — С улицы никто не приходил, в этом я абсолютно уверен. Более того, я обошел все комнаты — в доме ничего не пропало. Короче говоря, я ничего не понимаю. Точнее, не осмеливаюсь понимать...

— У вас есть какие-то предположения? — осведомился мэтр Робьон.

— Есть, но совершенно бредовые. И все же...

— Вам удалось найти предмет, которым было разрезано полотно?

Руайер медлил с ответом. Наконец он проговорил:

— Пожалуй, нам лучше сразу пройти на место событий. А затем поговорим и заодно выпьем чего-нибудь освежающего. С вашего разрешения, я войду первым...

Вся группа направилась в библиотеку.

— Вот здесь я сидел и писал,— объяснял Руайер.— Дверь гостиной была открыта, так же как сейчас. С моего рабочего места видна часть гостиной — в этом вы можете убедиться. Если бы кто-то даже очень осторожно ходил в той части комнаты, которую я не вижу, я все равно должен был бы его услышать. Уверяю вас — там никого не было. Возвращаясь после завтрака из столовой в библиотеку, я, естественно, прошел через гостиную. Картина в этот момент была в порядке. Я сел писать письма и был прерван криком Сесиль... Теперь вы представляете себе ситуацию.

Без Козыря сразу забыл все свои претензии к Шатель-Гюйону. Он был так же взволнован, как и в тот день, когда впервые услышал цокот копыт лошади-призрака.

— Вы не выходили из библиотеки? — осведомился адвокат.

— Нет. А теперь я прошу вас пройти со мной. Я покажу вам картину.

Они вошли в гостиную.

— Вот,— сказал Руайер, демонстрируя гостям картину.— Это я ее снял.

Мэтр Робьон внимательно разглядывал полотно, рассеченное двумя такими тонкими полосами, что не было заметно ни обрывков нитей, ни отслоившейся краски.

— Да, рука вандала не дрогнула... И нож у него неплохо заточен.

— Правда ведь? — оживился Руайер. — В этом жесте чувствуется злоба, вы согласны?

— А знаете, что мне это напоминает? — заговорил Без Козыря. — Похоже на удар шпаги Зорро-Мстителя!

— Не надо шутить, — одернул сына адвокат.

— А вот я, — Руайер положил руку на голову мальчика, — не считаю это замечание неуместным. В моем доме имеется один персонаж под маской и с клинком в руке, который, без сомнения, был при жизни более опасным, чем Зорро. — Он указал на противоположную стену. — Человек с кинжалом! — гордо объявил Руайер.

Без Козыря даже вскрикнул от удивления. Он никогда не видел ничего подобного!

— Великий Караваджо, — прошептал мэтр Робьон. — Какой шедевр!

— Обратите внимание, — продолжал Руайер, — что относительно этой картины существует несколько версий. Многие считают, что она написана не самим Караваджо, а кем-то из его учеников. Полотно не подписано, а кроме того, вот этот красный цвет слишком ярок, он не вполне соответствует манере мастера. И все же я уверен, что это рука Караваджо. Вы знаете, как великолепно он передавал тончайшие психологические оттенки. Взгляните на эту руку — разве не видно, как она напряжена, как готова ударить? А глаза!.. Прошу вас, подойдите поближе. Посмотрите — они полны жизни, точнее, даже страсти. А если вы переместитесь... идите сюда за мной... эти глаза продолжают за вами следить, они пронизывают вас насквозь, вы никуда не можете скрыться от этого взгляда. Посмотрите еще на кружева цвета красного вина, которые ниспадают с маски и прикрывают нижнюю часть лица. Они настолько тонки, что кажется, будто они колышутся от его дыхания. Если

долго смотреть на это лицо, чудится, что сквозь кружево проступает рисунок жесткого рта и подбородка. Кем он был, этот человек? Наемным убийцей? Важным синьором? Этого никто не знает. А он продолжает жить в веках...— Руайер вытер лоб платком.— Извините меня, я становлюсь смешным, когда говорю об этой картине.

— Нисколько,— возразил мэтр Робьон.— Я полностью разделяю ваше мнение. А ты, Франсуа?

Без Козыря не ответил. Он был потрясен. Раньше живопись совсем его не интересовала. Конечно, он бывал в Лувре и еще нескольких музеях; там висело огромное количество картин, которые надо было успеть посмотреть за короткий промежуток времени. Сколько Мадонн с младенцами, святых мучеников и молящихся старцев! Целые горы фруктов на мятых скатертях, рыбы, соседствующей с дичью! Формы, цвета, оттенки сливались в бешеном хороводе, не оставляя ничего, кроме утомления. Человек с кинжалом впервые пробудил в мальчике волнение. Это было не впечатление от живописи; Без Козыря казалось, что этот таинственный и пугающий персонаж как будто бы уже давно, почти вечность назад, назначил ему встречу в этой освещенной закатными лучами гостиной, рядом с полотном, уничтоженным за свое уродство. Голубые глаза незнакомца смотрели прямо на мальчика, а рука сжимала рукоятку кинжала. Без Козыря пришлось сделать над собой усилие, чтобы оторвать взгляд от картины и повернуться к хозяину дома, который продолжал свои объяснения.

— У этой картины чрезвычайно интересная история. В 1582 году она чуть было не сгорела во время пожара во дворце Лорицци в Венеции. Затем ее купил некий флорентийский торговец, который был убит в 1612 году. Имущество погибшего было

продано с молотка, и «Человек с кинжалом» попал к одному испанскому прелату. В 1659 году, когда Людовик XIV женился на инфанте Марии-Терезии, картина была подарена кардиналу Мазарини. Затем она перешла к маркизу де Фревиллю, который был убит под Мальплаке. На время картина пропадает из поля зрения, а в 1750 году вновь появляется в салоне откупщика Оливье д'Арбукура. Увы, этот человек кончил жизнь на эшафоте...

— Если я правильно вас понял,— проговорил мэтр Робьон,— эта картина приносит несчастье.

— Подождите, это еще не все. Потом она попала к маршалу Нею...

— Расстрелянному в 1815 году,— прошептал Без Козыря.

— Правильно. А потом — к лорду Хастлмиеру, который в 1837 году погиб, упав с лошади. Старший сын лорда, возвращаясь из Индии, попал в кораблекрушение. Тогда картина была продана банкиру сэру Джонатану Кроули. Он жил долго, но, разорившись, вынужден был расстаться с «Человеком с кинжалом»...

— А еще были желающие приобрести картину? — спросил Без Козыря.

Руайер грустно улыбнулся.

— Коллекционеры — люди странные, можете мне поверить. На картину не только находились покупатели — она становилась все дороже. На одном аукционе цена поднялась до ста тысяч франков...

— Не так уж много,— пожал плечами Без Козыря.

— Наоборот, это очень высокая цена, тем более что в то время живопись не была еще объектом вложения капитала. Так вот, с 1885 по 1915 год картина находилась в доме члена парла-

мента сэра Роберта Маккли. Он ничем особым не прославился, а вот его сын, сэр Дэниел, погиб при крушении «Луизианы»... «Человек с кинжалом» всплыл только через два года. Его купила на аукционе знаменитая и очень богатая актриса Мод Лоуэнстайн, которая завещала ее своей дочери. Дочь погибла в авиакатастрофе. Я должен был понять, что эта картина — знак судьбы; но нет! Полотно было выставлено в Лондоне в галерее Кристи, понравилось мне, и я его купил. А через год после этого...

Наступила тишина. Человек в маске продолжал наблюдать за ними со стены. Его взгляд не отрывался от Без Козыря.

— Я должен был бы расстаться с картиной, — снова заговорил хозяин дома, — но зачем? Со мной больше уже ничего не может случиться... — Он провел рукой по лицу и попытался улыбнуться. — Извините, что так долго испытываю ваше терпение. Должен признаться, что, увидев разрезанное полотно, я сразу подумал: это он!

— Ну что вы, друг мой... — встревоженно заговорил доктор.

— Я понимаю, что это абсурд. Но с этой картиной связано столько загадок!

— Это просто совпадение! — убеждал Руайера доктор.

— А вот я вас понимаю, — вдруг заявил мэтр Робьон. — Вполне естественно, что такая мысль родилась в вашем воображении. Заметьте, я не говорю «пришла в голову»; тут есть нюанс. Эта картина явно оказывает нездоровое влияние на впечатлительных людей, заставляя их совершать абсурдные поступки. Скажите, вы не подозреваете своих слуг?

— Ни в коем случае! Бенуа и Леонард служат у меня более двадцати лет. Они так мне преданы,

что остались со мной, даже когда я отошел от дел... Сесиль же была рекомендована мне одним другом из Клемон-Феррана. Она — сама честность. Я отвечаю за этих людей, как за самого себя.

— Тогда все это действительно странно, — тихо сказал адвокат. — Если ваши слуги вне подозрений, а это, видимо, так и есть, — значит, преступник должен был прийти с улицы.

— Влезть в дом, только чтобы испортить картину? — Руайер покачал головой. — Не вижу в этом смысла.

А Человек с кинжалом? Слушая разговор, он молча улыбался под своей маской. Без Козыря исподтишка наблюдал за ним. Руайер был прав: кружево, скрывавшее лицо Человека с кинжалом, слегка покачивалось, глаза смеялись. Кто-кто, а он-то знал, что здесь произошло. Без Козыря не стал прислушиваться к разговору взрослых. Он пытался выдержать взгляд Человека с кинжалом, а это была тяжелая задача. Через несколько секунд становилось страшно и хотелось подвигаться, чтобы не окаменеть под воздействием этого гипнотического взгляда.

Без Козыря подошел поближе, чтобы рассмотреть картину. За его спиной хозяин показывал гостям свои сокровища.

— Здесь вы видите пару ваз в стиле Медичи. Они были сделаны в 1830 году на фарфоровых заводах Санкт-Петербурга и подарены царем Николаем I герцогу Мортмару. А вот это столик менялы эпохи Людовика XIV, выполненный в стиле Булля...

Вблизи картина потеряла все свое очарование. Слишком сильно выделялись мазки, лицо Человека с кинжалом стало одутловатым, тыльная сторона руки оказалась неестественно белой, а голубые глаза утратили живость.

— Тут у меня неплохая работа Кислинга, хотя лично я предпочитаю ей вот этого Дега... Обратите внимание на маленького Клодьона. Этот бюст изображает мадам Руайяль в детстве.

Без Козыря медленно отступил назад. На расстоянии двух метров полотно начало оживать, а еще через шаг стало прежним. По мере удаления от нее к картине возвращались ее дерзость и тайный жар. Значит, исходящая от полотна мощная сила призвана была держать зрителей на почти-тельном расстоянии. Без Козыря понял, что рассматривал картину с недостаточным уважением, чем оскорбил Человека с кинжалом. «Учти, я пойду еще дальше,— подумал он,— я засниму тебя на пленку. Пусть это послужит тебе уроком!»

И мальчик присоединился к остальным, которые в этот момент выходили из комнаты. Но прежде чем уйти, он еще раз обернулся. Человек с кинжалом провожал его взглядом.

ТРЕВОЖНОЕ ПОСЛАНИЕ

Руайер привел своих гостей в беседку, куда Сесиль уже подала прохладительные напитки.

— В вашей коллекции есть прекрасные вещи,— заметил мэтр Робьон.

— Вы еще не все видели. На втором этаже, например, находится ценная мебель — в частности, круглый столик золоченой бронзы с чудесным подносом из порфира, опирающимся на сложенные руки трех египтянок.

Без Козыря отстал от взрослых на несколько шагов. Из всей коллекции Руайера в памяти у него остался только портрет незнакомца в маске; он напомнил ему Фантомаса, темным облаком летящего над Парижем. В этой картине было что-то магиче-

ское. Художник сумел передать на полотне самые потаенные, самые темные мысли своего героя. Что означают морщины на его лбу: раздражение, заботу или страдание? Не зреют ли в этом мозгу новые кровавые планы? Излил ли этот человек свою желчь или замышляет новое преступление? И что может значить разрезанное полотно? Может, это предупреждение?..

Без Козыря не разделял мнение своего отца. Он чувствовал, что виновник преступления — Человек с кинжалом. Как это могло произойти? У Франсуа уже было готово объяснение — реальное, но в то же время достаточно романтическое. Сесиль была загипнотизирована! В самом деле, разве эти блестящие глаза не могли погрузить человека в гипнотический сон, заставить делать самые невероятные вещи? Без Козыря и сам уже ощутил на себе непреодолимую силу взгляда Человека с кинжалом, а что было бы, если бы он еще глубже погрузился в созерцание портрета?.. А ведь Сесиль каждый день вытирала пыль в гостиной; она постоянно подвергалась мистическому воздействию портрета, мало-помалу поддаваясь его пагубному влиянию... И вот в один прекрасный день ее сопротивление было сломлено — она разрезала картину.

Может, эта версия и была притянута за уши, зато она разом объясняла все происшедшее. Никто не входил в дом, никто из него не выходил, а Сесиль, сама того не ведая, стала послушным орудием Человека с кинжалом.

Еще два года назад такое объяснение, может, и удовлетворило бы Франсуа. Но теперь он уже больше не ребенок — ну, разве что в те моменты, когда демон игры толкает его под локоть... Однако, если рассуждать хладнокровно, гипотеза о картине, выступающей в качестве гипнотизера, крити-

ки не выдерживала. В общем, не стоит пока ни с кем делиться этой мыслью.

В беседке стояла приятная прохлада. Без Козыря вошел туда и взял предложенный ему сок.

— Понимаете, что меня смущает? — говорил Руайер. — Сколько я ни анализирую эту проблему, сколько ни кручу ее так и сяк, а решения найти не могу. Бог с ним, с этим Февром, все равно он никакой ценности не представляет. Но что, если завтра настанет очередь Дега?..

— Я думаю, это не повторится, если вы примете надлежащие меры, — проговорил мэтр Робьон. — Надо только покрепче закрывать окна и двери...

— К несчастью, — вздохнул Руайер, — преступник может находиться в доме!

— Можно я поснимаю? — спросил Без Козыря, которому вдруг захотелось еще раз увидеть Человека с кинжалом. — Я хотел бы снять фасад и, если вы позволите, гостиную.

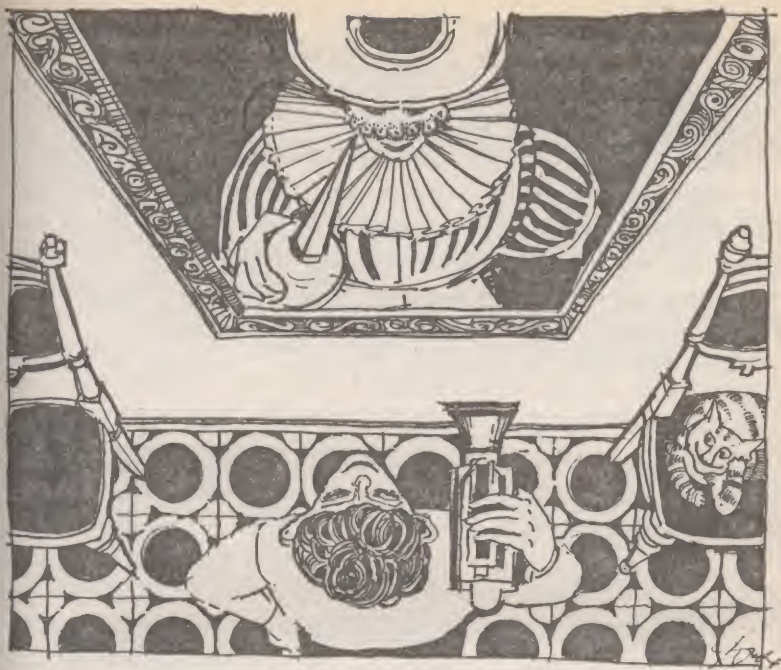
— Разумеется, мой мальчик, — улыбнулся Руайер. — Будьте как дома. — Он наклонился к адвокату и прошептал: — Моему сыну было бы столько же лет.

А Без Козыря был уже далеко. Он пробежал вдоль хозяйственных построек, заметив в сарае легкий экипаж, так тщательно начищенный, что казался новым. Что за странная фантазия совершать прогулки в этом старинном экипаже, когда можно купить новый автомобиль с откидным верхом — «феррари», «мерседес» или «ламборджини»? Правда, доктор что-то об этом говорил... Когда он, Без Козыря, вырастет и станет знаменитым, как отец, он купит себе «порше» — настоящую спортивную «порше»... Мальчик заметил Сесиль — она чистила овощи на кухне, а Бенуа и Леонард болтали, стоя возле легкого грузовичка перед гаражом. Бенуа был так похож на киношного метрдо-

теля, что Без Козыря даже прыснул. Ускорив шаг, он вышел к фасаду.

Здесь ему и правда захотелось воспользоваться камерой. Мальчик вынул ее из чехла, настроил, как было написано в инструкции, прикинул расстояние и выбрал интересный ракурс. Мотор! Мальчик вообразил себя известным кинорежиссером, снимающим приключенческий фильм под названием «Человек с кинжалом». Стоп! Жужжание камеры прекратилось.

«Хорошо, теперь общий план, а потом крупным планом вход в замок. Буду подниматься по ступенькам и все время снимать. Человек с кинжалом слышит мои приближающиеся шаги... Я уже вхожу в дверь холла... Стоп! Здесь освещение более слабое, надо перенастроить камеру. Готово. Я уже в столовой. Прохожу ее. Как раз напротив меня — дверь в гостиную. Он прислушивается. Он смотрит в мою сторону... Ну, что я говорил! Он смотрит на меня, но теперь ему не до усмешек. Он видит эту странную штуку, похожую на пистолет, которая нацелена на него. Его кинжал хорошо режет холсты, но здесь он ему не поможет. Он пытается запугать меня, но, несмотря на маску, я вижу, что ему самому страшно. Что, старик, думал, что всегда сможешь наносить удары, а сам оставаться в безопасности на своем полотне? Нет! Мне достаточно только нажать кнопку, и — гоп! — ты уже у меня на пленке. Ты стал моим пленником. Теперь ты мой! Теперь ты будешь задирать нос для меня, по моему приказанию, когда мне захочется позабавиться... Что, не нравится? Ты в ярости? Не любишь, когда тебя похищают? Очень жаль, но у Без Козыря есть на этот раз один козырь — камера, и в ней моя сила. Вот сейчас увидишь... Я кладу камеру на стол, нажимаю кнопку вот здесь, сбоку, и встаю рядом с тобой. Мы будем на пленке вмес-

те... Внимание! Не моргай... Готово! Все в порядке. Без Козыря заснят со своим приятелем, можно сказать, рука об руку. Ну что, тебе уже не хочется смеяться? Ты сердишься на меня? Ну полно, я закончил».

Без Козыря спрятал камеру в чехол и почтительно поклонился портрету. «Монсеньор, я к услугам Вашего превосходительства...»

Собираясь уже выйти из гостиной, он вдруг заметил на одном из столиков большой конверт с надписью «Господину Этьену Руайеру».

Какой странный почерк! С завитушками, чересчур сильным нажимом, старательно выписанными петлями, и все это вперемешку с кляксами, которые случаются, когда пишут гусиными перьями. Совсем недавно конверта тут еще не было! Стран-

но... Без Козыря задумался — и невольно бросил взгляд на Человека с кинжалом. Не поменялись ли они ролями? Не настала ли теперь очередь портрета смеяться над ним?

Без Козыря взял письмо и вышел. По дороге он ощупал конверт — плотная, немного шероховатая бумага типа пергамента. Только сургучной печати не хватает! Любопытство мальчика все возрастало; он ускорил шаг и, как только увидел хозяина замка, сразу протянул ему конверт.

— Это вам, господин Руайер. Лежало в гостиной.

— Что такое? — удивился Руайер. — С вашего разрешения... — Он разорвал конверт, развернул лист бумаги и прочел: — «Я ни дня больше не останусь в вашем доме. И вы знаете почему».

— Бессмыслица какая-то. — Доктор пожал плечами.

— Покажите-ка, — попросил мэтр Робьон. — Подписи нет, вместо нее какой-то рисунок... Похоже на кинжал.

— На кинжал?! — воскликнул Руайер.

Он снова взял письмо и стал потрясенно рассматривать крестообразный знак внизу листа. Доктор заглянул ему через плечо.

— Да, — прошептал он. — Действительно, кинжал. Вот и рукоятка... Ошибки быть не может.

— О Господи! — простонал Руайер.

— Я выходил из гостиной, — объяснил Без Козыря, — и заметил письмо на столике возле двери.

— Это он, — прошептал Руайер. — Человек с кинжалом.

— Послушайте, вас просто кто-то хочет испугать, — вступил в разговор адвокат. — Прошу вас, сохраняйте хладнокровие. Во-первых, бумага вам знакома? Это ваша бумага?

— Нет,— покачал головой Руайер.— Но такую бумагу производят недалеко отсюда. В наших краях еще сохранились ремесленники, которые используют старые рецепты для изготовления тонкого пергамента.

— Значит,— продолжал адвокат,— будет нетрудно определить, кто покупал бумагу. У вас есть враги, господин Руайер?

— Раньше были, конечно. Но с тех пор как я отошел от дел, я ни у кого не стою поперек дороги... Да зачем далеко ходить; кто меня не любит, так это портрет. Я не должен был вешать напротив него этого жалкого Февра! У Человека с кинжалом он вызвал отвращение, и я его понимаю. Смотрите, здесь ясно написано: «Я ни дня больше не останусь в вашем доме».

Адвокат и доктор над головой хозяина обменялись взглядами. Доктор Доден положил руку на плечо своего друга.

— Я думаю, мэтр Робьон прав. Кто-то старается вас запугать. «Человек с кинжалом»— всего лишь картина, и вы это знаете. Он не может выйти из рамы и написать письмо. Вы согласны?

— Но разрезал же он картину!

— Будьте же разумны,— вздохнул доктор.— Вы чересчур впечатлительны. Я прошу вас просто немного поразмыслить...

— Поразмыслить! А он пока пусть делает, что хочет? У тех, других, было время поразмыслить— у маркиза де Фревилля, у Оливье д'Арбикура... Я вам о них рассказывал. Я тоже поразмыслил, прежде чем его купить. А потом потерял жену и сына. А теперь он собирается сбежать, он сам меня предупреждает! И вы призываете меня поразмыслить?..

— Нет,— тихо сказал мэтр Робьон.— Он не

сбежит. Скорее, кто-то собирается организовать его побег, а это совсем другое дело. Картину просто-напросто хотят украсть, поэтому кто-то и заставляет вас волноваться. Очевидно, это часть их плана... Франсуа, ты был там — ты ничего не заметил необычного?

— Нет, папа, ничего. Я вошел в холл, пересек столовую, потом заснял портрет на пленку. Я был один. Письмо, видимо, уже лежало там некоторое время.

— Не более нескольких минут. Когда мы выходили, его там не было. Сколько времени мы находимся в беседке? Не более четверти часа. Потом Франсуа вернулся в дом; в этот момент письмо должно было уже быть там.

Руайер поднялся.

— Пойдемте в гостиную,— предложил он.— Уверяю вас — если уж он решит уйти, он найдет к кому обратиться за помощью.

Доктор нагнулся к уху адвоката.

— Это у него уже навязчивая идея. Он верит, что портрет живой.

Трое мужчин направились к замку. Расстроенный Франсуа плелся следом. «Не мои ли кривлянья вызвали такой гнев у Человека с кинжалом? — думал он.— Тон его записки достаточно категоричен: «Я ни дня больше не останусь в вашем доме...» Кажется, он сильно оскорблен — Руайер прав. Но Руайер еще не знает, что Человек с кинжалом был мною осмеян, как ярмарочный шут...»

Без Козыря догнал отца и прислушался к его разговору с Руайером.

— У меня нет еще убедительной версии, но, кажется, появились кое-какие подозрения,— говорил мэтр Робьон.— Сколько сейчас может стоять эта картина?

— Около миллиона. Точнее сказать не могу, так как трудно предсказать развитие событий на аукционе.

— Иными словами, у вора есть веская причина заинтересоваться картиной. Моя предварительная гипотеза: ее хотят украсть, и для этого в вашем доме намеренно создается тревожная обстановка. Я говорю вам это специально, чтобы вы поняли всю абсурдность этой жестокой затеи. Впрочем, частично их план уже удался, потому что семена тревоги посеяны, это очевидно.

Руайер взял руку мэтра Робьона.

— Пожалуйста, продолжайте. Ваши слова меня успокаивают.

— Рассмотрим второй эпизод: письмо. Какова его основная мысль? Что Человек с кинжалом покинет замок, каковы бы ни были ваши меры предосторожности. Вы поверили в эту угрозу, тем самым приняв его игру. Теперь партию уже ведет ваш вор, а вы — всего лишь напуганная жертва.

— Это правда, — признал Руайер.

— Что предпримет теперь ваш враг? Здесь могут быть разные варианты. Вполне возможно, что он прячется где-то в доме или рядом.

— Мы же все осмотрели, — возразил хозяин.

— Вы произвели всего лишь беглый осмотр, желая убедиться, что ничего не пропало... Но вернемся к делу. Наш вор ждет ночи, чтобы начать действовать. Как только настанет его час, он откроет дверь или окно. А вы и ваши слуги и пальцем не пошевеливаете, потому что вы уже наполовину... нет, даже полностью сломлены.

— А потом? — спросил Руайер. — Куда денется картина?

— Конечно, вернется к вам. Обычно дела подобного рода заканчиваются именно так.

Они вошли в библиотеку. Руайер усадил всех

в кресла, а сам сел за письменный стол. Вид у него был совсем несчастный.

— Имейте в виду,— заметил адвокат,— что даже самый хитрый преступник не может всего предусмотреть.

«Какой все же умный у меня отец! — восхитился Без Козыря.— За три минуты убедил обоих, не имѣя на руках ни одного доказательства, просто рассуждая вслух. Конечно, он хочет успокоить Руайера...»

— Злоумышленник упустил из виду,— продолжал мэтр Робьон,— что именно в тот день, когда он изрезал картину, у вас будут гости. Теперь вы должны чувствовать себя увереннее: вы не один, нас трое.

— Четверо,— вставил Без Козыря.

Адвокат улыбнулся.

— Да, четверо. И мы все вместе организуем вашу защиту.

Робьон посмотрел на свои часы, прекрасные водонепроницаемые часы со множеством делений и цифр. Без Козыря не смог удержаться, чтобы тоже не бросить на них взгляд. Камера — это, конечно, хорошо, но такие часы...

— Скоро семь,— сказал адвокат.— Через час стемнеет. Если вы, господин Руайер, будете так любезны и приютите нас на эту ночь, мы превратим Ла Шенэ в настоящую крепость, и я гарантирую, что завтра утром «Человек с кинжалом» еще будет на месте.

Руайер не скрывал своей радости, но напомнил, что тогда у госпожи Робьон появятся основания быть им недовольной.

— Я позвоню ей и предупрежу,— успокоил его мэтр Робьон.— Наоборот, это нам должно быть неудобно: ведь мы как бы навязываем вам свое общество. Но обстоятельства таковы, что...

— Я полностью разделяю мнение господина Робьона,— вмешался доктор.— Сегодня мы не можем оставить вас одного. Я опасаюсь только, что молодой человек будет скучать...

Без Козыря покраснел. Он не любил, когда его называли «молодым человеком». Хозяин дома пришел к нему на помощь.

— Я сохранил в библиотеке книги моего сына. Он обожал детективные романы. Вы можете ими располагать.

— Благодарю вас,— вежливо откликнулся Без Козыря.

Краем глаза он наблюдал за отцом. Разрешит ли он ему остаться в замке или отошлет в гостиницу? Но, слава Богу, мэтр Робьон прекрасно понимал, что для Франсуа этот необычный вечер станет самым интересным моментом каникул. К тому же адвокат был почти уверен, что ночь пройдет без осложнений.

— Ну что ж,— Руайер через силу улыбнулся,— я попрошу Бенуа приготовить для вас комнаты. Пойду распоряжусь насчет обеда. Письмо я оставляю вам; может быть, вы найдете в нем что-то новое.

Хозяин замка вышел, но звук его шагов по старому паркету был слышен еще долго.

— Бесшумно пройти здесь невозможно,— заметил мэтр Робьон.— Ну что ж, давайте еще раз взглянем на письмо. Хорошо бы найти человека, купившего эту бумагу.

— Не надейтесь на это,— покачал головой доктор.— Наши ремесленники известны по всей стране, и к ним приезжает множество людей.

— Что меня удивляет,— продолжал мэтр Робьон,— так это вторая фраза письма: «И вы знаете почему». Если ее развернуть, то получается что-то вроде: «Вы сунули мне под нос ужасную мазню.

Вы оскорбили меня. Вы меня спровоцировали». Доктор, вы согласны со мной?

— Полностью, — кивнул тот.

— Мы продолжаем считать, что за всем этим кто-то стоит. Когда она была приобретена, новая картина?

— Вчера утром.

— Это значит, что за нашим другом следят с очень близкого расстояния. Этот «кто-то» узнал о покупке картины буквально в тот же день и решил воспользоваться дурной славой «Человека с кинжалом», чтобы осуществить свой план. Правда, этот план кажется мне очень уж сложным. Согласитесь — если наш подозреваемый имеет возможность шпионить за Руайером, ходить за ним по пятам по всему замку, не будучи обнаруженным, то почему он до сих пор не украл Караваджо? Зачем весь этот спектакль? Почему он хочет внушить Руайеру мысль, что исчезновение «Человека с кинжалом» будет ему возмездием? Этот момент возмездия меня особенно интересует...

Без Козыря считал, что его отец, как истинный адвокат, слишком увлекся мелочами. Франсуа же ситуация казалась совершенно ясной. Человек с кинжалом предупредил, что намерен покинуть замок. Заговор это или не заговор, существует вор или нет, но портрет сдержит свое слово, несмотря на все меры предосторожности. Надо только подождать. Да, это немножко жутко, зато как интересно!

Из уважения к хозяину Без Козыря проглядел книги его сына. Но Агата Кристи, Джон Диксон Карр и другие мэтры детектива его уже не занимали. То, что происходило у него на глазах, было куда интереснее!

Вернулся Руайер.

— Прошу за стол, — объявил он. — Старушка

Сесиль, когда захочет, может творить чудеса. Она приготовила жареного зайца и чудесный омлет. И этим я обязан вам, дорогой мэтр.

— Я предлагаю,— сказал адвокат,— сначала закрыть окна и двери, а потом осмотреть все комнаты. Давайте начнем с голубого салона.

Руайер на глазах гостей закрыл в библиотеке ставни.

— Как видите,— заметил он,— каждая из створок имеет для страховки еще и цепочку. И так во всем доме.

Они вышли, и Робьон запер дверь, соединяющую библиотеку с гостиной. Протягивая ключ Руайеру, он спросил:

— У вас есть еще ключи от этой двери?

— Нет, только этот.

— Прекрасно. Теперь мы можем быть уверены, что с этой стороны никто не войдет. Перейдем к окнам...

Человек с кинжалом с большим интересом следил за их манипуляциями. Мэтр Робьон зажег люстру, и глаза на портрете блеснули.

— Я предлагаю оставить приоткрытой дверь из гостиной в столовую,— продолжал адвокат.— Просто смешно оставлять здесь охрану, раз мы будем рядом.

Хозяин дома согласился. Сесиль заканчивала раскладывать приборы.

— Пока мы здесь, Сесиль,— предупредил ее Руайер,— мы запрем и кухонную дверь. Не открывайте ее до завтрашнего утра.

Старая служанка подняла на хозяина преданные глаза.

— Хорошо, мсье.

— Франсуа вам поможет,— сказал ей мэтр Робьон.

Без Козыря предпочел бы осмотреть дом вмес-

те с отцом, но возразить не посмел. Ведь он был здесь не более чем статист, что-то вроде юнги на корабле. И Франсуа покорно принялся таскать в столовую хлеб, бутылки, кофейные чашки, сахар... Проходя мимо двери в гостиную, он осторожно заглядывал туда. Похоже, Человек с кинжалом размышлял, скосив глаза в сторону столовой... Еще никогда в жизни Без Козыря не переживал таких волнующих моментов! Он уже не жалел, что не попал в Кермол.

Вскоре хозяин и гости вернулись в столовую.

— Я звонил маме,— сообщил мэтр Робьон,— она передает тебе привет.— И, обернувшись к своим спутникам, продолжил: — Думаю, что мы приняли все меры предосторожности. Двери закрыты; мы знаем, что в доме никто не прячется. Бенуа и Леонард будут регулярно обходить комнаты. А если кто-то захочет войти в гостиную, он вынужден будет пройти через столовую, где мы с вами находимся.

— Итак, за стол,— пригласил хозяин дома.— Благодаря вам, друзья, я успокоился. Спасибо.

— А я,— сказал доктор,— хотел бы задать вам один вопрос. Не отвечайте, если он покажется вам нескромным. Итак: зачем вы сохранили эту картину, которая связана с таким количеством несчастий? На вашем месте я бы давно ее продал!

Руайер взял кусочек ветчины, дожидаясь, пока Сесиль выйдет из комнаты.

— Это трудно объяснить. Возможно, я сохранил «Человека с кинжалом», потому что надеялся, что он принесет в мой дом еще одно несчастье и на сей раз оно коснется меня лично. Я мало дорожу жизнью. А еще... Прошло время, я смирился со своим горем. Я живу здесь словно на необитаемом острове, но меня это устраивает. Забвение не пришло и не придет никогда, только раны немного за-

тянулись... Но сегодня они вновь открылись. Я надеюсь, что Человек с кинжалом снова начал действовать... Поговорим о чем-нибудь другом.

Мэтр Робьон тут же перевел разговор на более приятную тему. Он знал столько интереснейших историй! Руайер слушал его с увлечением. Время от времени он вставал, подходил к двери в гостиную, потом возвращался на место, пожимая плечами. Картина была на месте.

Они попробовали вина — оно оказалось великолепным. Без Козыря уже начал скучать. Тишина и спокойствие! Человеку с кинжалом отрезали все пути...

Сесиль подала кофе.

— Когда будете выходить, — попросил Руайер, — закройте дверь в коридор. Нам дуется.

— Она закрыта, мсье, — ответила Сесиль.

Руайер нахмурил брови.

— Но этот сквозняк...

Он резко вскочил, кинулся к двери в гостиную — и вскрикнул. Без Козыря тут же оказался рядом с ним. Картина исчезла! Окно в сад было открыто; ночной ветерок шевелил драпировки. Франсуа выпрыгнул в сад...

— Вон он! — закричал мальчик. — Я его вижу!..

Высокий силуэт мгновенно растворился во тьме. Без Козыря едва успел разглядеть его красный плащ. Человек с кинжалом сбежал.

НЕОБЪЯСНИМОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Хозяин замка без чувств рухнул на стул. Пока доктор Доден хлопотал вокруг него, адвокат подошел к Без Козыря.

— Что ты видел?

— Какого-то человека.

— Уверен?

Мальчик был потрясен. Честно говоря, он даже желал такого поворота событий, но теперь ему стало страшно.

— Я думаю, да... Это был он,— пробормотал Без Козыря.

— Кто — он?

— Человек с кинжалом.

— Не говори глупостей.

— На нем был красный плащ!

— Пойдем-ка. Только тсс!..

Рама от картины висела на своем обычном месте, хотя само полотно исчезло. И эта маленькая деталь придавала происшествию особую драматичность. Как будто Человек с кинжалом невероятным усилием разорвал связывавшие его путы и, открыв окно, выскочил наружу...

Прибежала Сесиль, повторяя все время: «Господи! Господи!»

Адвокат положил руку на плечо Руайера.

— Мне очень жаль. Невольно возникает мысль — уж не обладает ли эта проклятая картина сверхъестественной силой?.. Леонард и Бенуа сейчас осматривают парк, но я заранее уверен, что это пустая трата времени. Ограбление было тщательно подготовлено.

Доктор наклонился над Руайером.

— Как вы себя чувствуете?

— Лучше,— отозвался тот.— У меня просто голова закружилась. Это невероятно!

Руайер поднялся и, опираясь на руку доктора, подошел к окну и осмотрел оконные рамы.

— Все цело, ничего не сломано. Такое впечатление, что ее открыл кто-то из нас. С ума можно сойти!

— Да, окно не взломано,— подтвердил адвокат,— и на паркете никаких следов. Я думаю,

надо немедленно позвонить в жандармерию и сообщить об ограблении.

— А разве это было ограбление? — проговорил Руайер. — Просто Человек с кинжалом сбежал от меня...

— Ну конечно, он вышел из рамы и открыл окно, — неожиданно резко бросил мэтр Робьон.

— Но ведь невозможно допустить, что, несмотря на все принятые нами меры, вор проник в гостиную, в то время как мы находились всего в пятнадцати метрах отсюда!

— Это правда, — признал адвокат. — Стоит только начать думать об этом деле, как тут же натыкаешься на стену.

— Я знаком с шефом местной полицейской бригады, — сказал доктор. — Я иду звонить.

Вскоре они услышали обрывки разговора:

— Да, Ла Шенэ... О да, ужасно, просто ужасно. Самая прекрасная картина в коллекции... В том-то и дело, что мы не знаем. Нет-нет, никаких следов... Прекрасно, мы вас ждем.

Вернулись Леонард и Бенуа — они не заметили в саду ничего подозрительного. Ворота по-прежнему заперты, в хозяйственных постройках никого.

— Спасибо, друзья мои. — Руайер вздохнул. — Не уходите далеко. Жандармы уже в пути, и им потребуются ваши показания.

Кажется, хозяин замка уже вполне пришел в себя после обморока.

— Мне жаль, дорогое мое дитя, что я причинил вам такое волнение. Вы, наверное, думаете — старик сошел с ума из-за своей картины. Может быть, я и на самом деле сумасшедший... Пойдемте выпьем кофе, это нам сейчас просто необходимо. А вы, мой мальчик, отправитесь спать. Я не допущу, чтобы вы не выспались по моей вине.

И все-таки Без Козыря в эту ночь так и не уснул. Хотя ему выделили одну из лучших комнат замка с кроватью времен Людовика XVI, он ни на минуту не сомкнул глаз. Несмотря на солидную толщину пола, снизу до Франсуа доносились голоса взрослых, а когда наступала тишина, он заново прокручивал в памяти события, происшедшие с приезда в Ла Шенэ. Мальчик пытался вспомнить слова, с которыми обращался к Человеку с кинжалом в тот момент, когда снимал его на пленку. По правде говоря, вслух он не произнес ни слова, но тот, другой, конечно, все понимал...

Теперь, когда его враг на свободе, не начнет ли он мстить? Ведь это же он исчез в темноте сада? Без Козыря вспоминал этот смутный силуэт в плаще, развеваемом ветром... Правда, ветер, качая кусты и деревья, мог создать иллюзию движения... Дремота путала мысли мальчика. Он постарался взбодриться. Собственно, чего ему бояться? Речь ведь идет о поединке между Человеком с кинжалом и хозяином замка, которого незнакомец с картины пытается подчинить себе. Может быть, дом Руайера сгорит, как сгорел, по его словам, чей-то замок в Венеции?..

Без Козыря открыл глаза. Вокруг все спокойно, но на первом этаже по-прежнему слышны голоса. «Я разгадал загадку Кермола, так неужели же я не смогу разрешить тайну Ла Шенэ?..»

Ему показалось, что он только начал засыпать, как чья-то рука потрясла его за плечо.

— Вставай,— сказал мэтр Робьон.— Пора возвращаться.

— Который час?

— Уже восемь.

— Вы его нашли?

— Нет. Я думаю, его никогда не найдут.

В машине Без Козыря уснул. Он не привык к

бессонным ночам; к тому же сказались усталость и волнение. Мальчик не помнил, как они отъезжали, о чем говорили у ворот. В памяти у него остались только слова отца, сказанные на прощание хозяину замка:

— Мы непременно вернемся. Знайте — я всегда к вашим услугам.

Когда Франсуа проснулся, они уже подъезжали к гостинице. Мадам Робьон как раз завтракала.

— Наконец-то, — сказала она. — Я уже начала беспокоиться.

— Человек с кинжалом все-таки сбежал! — крикнул ей Без Козыря. — Даже папа не понимает, в чем дело. Правда ведь, папа?

— Что это еще за история?

Адвокат устало опустилсЯ в кресло.

— На самом деле это очень странная история, — проговорил он.

И мэтр Робьон рассказал жене обо всем: о портрете и его дурной славе, о разрезанном полотне, о письме, о бессонной ночи, об исчезновении Человека с кинжалом. Мадам Робьон даже забыла о еде. Она с беспокойством смотрела на сына.

— Видишь, в какое состояние приводят тебя подобные истории! — воскликнула она. — Франсуа, доставь мне удовольствие, иди отдохни и забудь про все.

— Мама, а тебе не кажется, что это все как будто из рассказа Эдгара По? Портрет, который оживает на наших глазах...

— И преспокойно убегает, — добавила мадам Робьон.

— Да, он убежал, но ведь он сначала предупредил! Это просто невероятно! Папа считает, что портрет украли, но я с ним не согласен. Я заснял портрет на пленку. Вот увидишь, какой он! — Без

Козыря улыбнулся и небрежным жестом профессионала закинул камеру на плечо.— До скорого!

Без Козыря не проводил в ванной слишком много времени. Вот и на этот раз он быстро привел себя в порядок, а потом собрал свой велосипед — один из тех, которые легко укладываются в багажнике автомобиля. Мальчик специально держал его в разобранном виде, чтобы показать родителям, что не намерен совершать прогулки. Однако теперь обстоятельства изменились. Возможно, в интересах расследования придется вернуться на место событий или объехать окрестности Ла Шенэ... Разумеется, Без Козыря не собирался никому сообщать о своих планах.

Затем он отнес проявить пленку — ему пообещали, что она будет готова через сорок восемь часов, — и купил газету «Ла Монтань», в которой, правда, не оказалось никакой информации о событии. Видимо, было еще рано.

Однако уже после обеда внизу первой страницы «Франс-Суар» Без Козыря увидел заголовок «Исчезновение «Человека с кинжалом». Далее следовало несколько общих фраз: у журналистов явно не было еще конкретной информации. Зато на следующий день уже все газеты опубликовали сообщение о пропавшей картине. Летом редко случаются интересные новости, поэтому исчезновение «Человека с кинжалом» стало сенсацией сезона.

Без Козыря вырезал из всех газет заметки об этом деле. Обычно рядом со статьями были фотографии портрета, но ни одна из них не была удачной. Черно-белые снимки не передавали цвета, и глаза под маской выглядели мертвыми.

«Ни у кого, кроме меня, нет такого свидетельства. Только бы мой фильм удался!» Размышляя об этом, мальчик бродил по парку Казино, вокруг целебного источника, когда его вдруг остановил

высокий парень с растрепанными светлыми волосами, в голубых джинсах и с двумя фотоаппаратами на шее. Без Козыря сразу понял, что перед ним репортер.

— Газета «Пари-жур», — представился тот. — Вы Франсуа Робьон?

— Да.

— Роже! Иди сюда! — радостно заорал высокий блондин.

Тут же появился другой персонаж, постарше и не такой лохматый, как его товарищ. В темных очках, с блуждающей улыбкой гангстера из американского фильма.

— Это сын Робьона, — объяснил фотограф.

— Ну наконец-то! — вздохнул «гангстер». — Ужасно не везет! В Ла Шенэ никого не пускают, доктор расставил там настоящие кордоны. Ваш отец молчит как рыба. Одна надежда на вас! Расскажите нам все-все о том вечере. Идите сюда, здесь поспокойнее...

Музыкальная веранда была от них в двух шагах. Репортеры взяли металлические стулья и поставили их в тень. Человек в очках положил на колени блокнот.

Без Козыря насторожился. Если его отец отказался говорить с этими людьми, он тоже не должен рассказывать им слишком много. Но Франсуа так нравилось ощущать себя важной птицей, что он вскоре забыл о своем решении.

А фотограф в этот момент исполнял вокруг него какой-то странный танец. То он складывался пополам — щелк! — то вставал на цыпочки — щелк! — то падал на одно колено — щелк! — то заходил под другим углом — щелк! — то отступал назад — щелк! щелк! Его товарищ тем временем быстро стенографировал. Без Козыря был словно во сне. Сколько раз он видел подобные сцены на

телеэкране в момент прибытия какой-нибудь кинозвезды в аэропорт Орли или министра в Елисейский дворец!..

— Прекрасно! — время от времени бросал журналист в очки.

— Улыбайтесь! — командовал фотограф.

Щелк! Щелк!

— Короче говоря, в дом никто не входил, а портрет все-таки вышел. Великолепно! Ну что ж, благодарю вас, молодой человек. Вы нам очень помогли. Хотите сигарету?

Без Козыря уже не понимал, на каком он свете. Он протянул руку, вытащил из пачки сигарету и поднес ее ко рту. Щелк!

— Итак, — заключил журналист, — Человек с кинжалом, похоже, смылся своим ходом. Других идей нет?

— Нет.

— Прекрасно!.. Быстрее, надо поспеть в завтрашний номер!

Репортеры небрежно пожали руку Без Козыря и испарились. Ошеломленный мальчик бросил сигарету и встал. Кажется, он проболтался... Но ведь он говорил только правду, а правда никому не может навредить!

Следующий день стал для него днем славы и стыда. «Пари-жур» крупными буквами дала заголовков «Проклятая картина! Рассказ непосредственного свидетеля». С первой страницы безмятежно смотрел Без Козыря — рука небрежно лежит на спинке стула, нога закинута на ногу, во рту сигарета, физиономия довольная донельзя. «Боже, что скажет мама?» Это была его первая мысль. Франсуа решил не покупать газету.

Но, когда он вернулся к обеду в гостиницу, в ресторане каждый второй читал «Пари-жур». Родителей в зале не было, они ждали его в своей

комнате. На коленях мадам Робьон лежала газета.

— Ну что, доволен? — спросила она.

— Но, мама, они задавали мне вопросы. Я же должен был им отвечать!

— Ты посмотри на себя. Это же ужасно! Этот вид, сигарета во рту... Мне стыдно за тебя. Ты видишь, Франсуа, тебя нельзя отпускать одного. Мы так стараемся воспитать тебя приличным человеком, и вдруг такой срыв! Ты ведешь себя, как уличный мальчишка!

Потом настала очередь отца.

— Мама права, Франсуа. По поводу фотографии скажу одно: ты выставил себя на посмешище, и пусть это послужит тебе уроком. Но есть нечто другое, что абсолютно непростительно. В Ла Шенэ мы были приняты как друзья. Секреты господина Руайера — это не наши с тобой секреты. Если он не захотел сделать заявление, значит, для этого были причины. Ты не имел права рассказывать то, что не касается лично тебя. Ты это понимаешь? Есть такое понятие, как уважение к частной жизни других людей. Мы вернемся в Ла Шенэ, и ты извинишься.

Обед проходил мрачно. Без Козыря чувствовал, что взгляды всех собравшихся в зале обращены к нему. Мадам Робьон даже не захотела спуститься.

— Давайте я закажу обед к себе в комнату, — робко предложил Без Козыря.

— Нет, — твердо возразил Робьон. — Ты стал знаменит, так неси свое бремя славы с достоинством.

Добравшись до десерта, Без Козыря вздохнул с облегчением. Эти переживания совсем лишили его аппетита. Мальчик первым поднялся из-за стола и прошел через зал, опустив голову и сгорбившись, красный как рак. По мере его продвижения разговоры вокруг стихали. Швейцар кинулся

открывать перед ним дверь с преувеличенной почтительностью. «Что вы все от меня хотите?! — твердил про себя Без Козыря. — Я всего лишь сказал правду!»

Но, как оказалось, это был еще не конец несчастьям. Перед гостиницей стояла машина местной газеты «Ла Монтань».

— Вы не могли бы уделить нам пару минут? — спросил репортер.

— Мне нечего сказать.

Возникший словно из-под земли фотограф тут же нацелил свой аппарат на лицо Без Козыря. Мальчик сорвался с места, пробежал через парк и укрылся в ближайшем магазине, где купил темные очки.

Надев их, он сразу почувствовал себя защищенным. Правда, пришлось еще выслушать комментарии служащего, выдававшего ему проявленную пленку. У этого типа, видите ли, тоже была картина, которая падала каждый раз, когда умирал кто-то из родственников.

— Сколько на свете необъяснимого! В Риоле, например, я знал одну старушку, так у нее была привычка беседовать с портретом мужа. И, представьте, он ей отвечал. Что ни говори, живопись — это великая сила.

Без Козыря слушал его, стиснув зубы. Это было уже чересчур! Он забрал пленку и, сделав огромный крюк, вернулся в гостиницу.

Наконец-то он один! Один на один с Человеком с кинжалом. Мальчик быстро поставил проектор. Он не стал даже утруждать себя разворачиванием экрана: его прекрасно заменит серая стена. Ставни закрыты, в комнате достаточно темно... Пошел! Несколько общих видов, парк, фасад замка... И вдруг появился Человек с кинжалом. Впечатление было настолько сильным, что Без Козыря даже

подскочил. Казалось, портрет выходит из стены... Фильм продолжался, кадры скакали, и создавалось впечатление, что портрет движется. Вот сверкнули голубые глаза, злобно глядящие на мальчика... Это было что-то невероятное!

К несчастью, фильм очень быстро кончился. Без Козыря остановил последний кадр. Так, застыв, Человек с кинжалом снова стал просто картиной, но смотреть на нее было истинным удовольствием. Картина была прекрасна!

Без Козыря позвонил матери.

— Ты можешь зайти ко мне на минутку? Я хотел бы показать тебе свой фильм. Это потрясающе! Успеешь еще отдохнуть... Ну хотя бы на пять минут! Да, да, согласен, я был неправ, но ты зайди все-таки!.. Хорошо, я жду.

Мадам Робьон пришла очень быстро.

— Осторожно, здесь темно! — предупредил ее Без Козыря. — Давай руку... Садись на кровать, вот здесь. Ты готова? Начали!

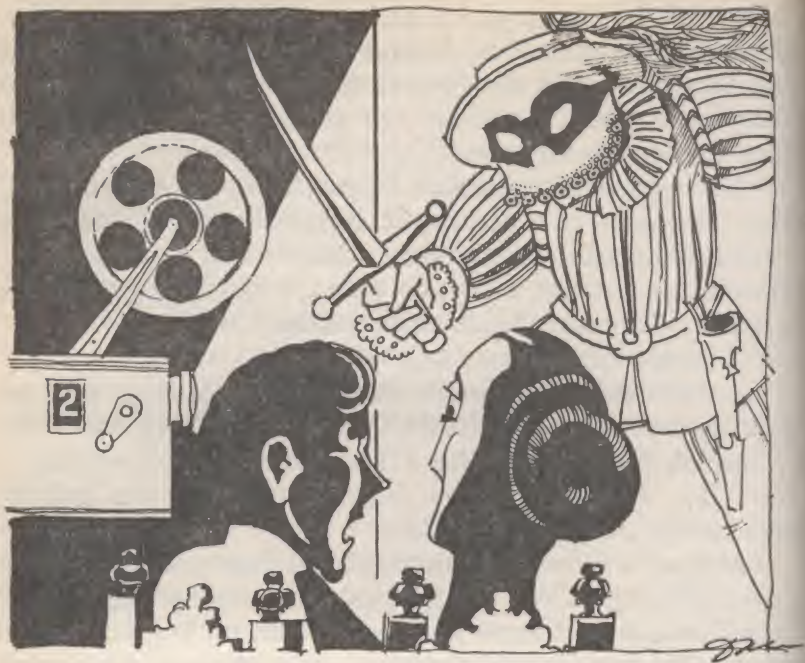
И Человек с кинжалом снова прыгнул в комнату. Мадам Робьон тихонько вскрикнула.

— Он просто отвратителен! — прошептала она.

— Смотри, какой он высокий, — заметил Без Козыря. — В действительности он должен быть еще выше. — Он ткнул пальцем в экран. — Художник написал его только до пояса, но если мысленно продолжить фигуру, то представляешь, каков он был в натуральном виде? Погляди на складки его плаща, как они естественны... А рука — смотри, как она отводит ткань, чтобы взяться за кинжал! Но самое интересное — это, конечно, маска и глаза. Правда ведь, как живые? А волосы?.. Там я этого не заметил. Такое впечатление, что их слегка шевелит ветер...

— Кто он? — спросила мадам Робьон.

— В том-то и дело, что этого никто не знает.

Даже художник точно не известен, хотя скорее всего. Караваджо. Может, это переодетый вельможа? Или... разбойник, пират? Во всяком случае, это человек, которому не нравится сидеть взаперти. Я думаю, что он просто устраивает себе время от времени прогулки, используя для этого любые средства...

— Ты опять нагородил целый огород, бедный мой малыш! Ты меня беспокоишь. Скажи, ты шутишь или говоришь серьезно?

— И то и другое, мама.

— Спрячь пленку, отец очень недоволен. Ох, Франсуа, сходил бы ты лучше погулял! Не занимайся больше этим делом.

Без Козыря, разумеется, не имел ни малейшего желания гулять и в течение нескольких дней выхо-

дил из комнаты только чтобы пообедать. А затем он снова оставался наедине с Человеком с кинжалом. Когда Франсуа выключил проектор, образ наемного убийцы продолжал стоять у него перед глазами. Вот! Наконец он нашел это выражение — наемный убийца. Совершенно ясно! Человек с кинжалом — один из тех, кто за дукат готов убить кого угодно.

По вечерам Без Козыря бродил по окрестностям, исследовал развалины и сочинял разные истории — например, как Человек с кинжалом становится бандитом с большой дороги и грабит путешественников. От бесконечного пережевывания событий в Ла Шенэ у Франсуа начинала трещать голова.

Однажды вечером, когда он встретился с родителями за ужином, мэтр Робьон сказал ему:

— Хочешь, я тебя обрадую? Звонил Человек с кинжалом.

— Что?!

— Он позвонил мсье Руайеру, а тот мне об этом рассказал. Завтра после обеда мы договорились встретиться в Ла Шенэ. Ты поедешь со мной — надо же тебе извиниться. А мой совет на будущее — учись не болтать лишнего.

Без Козыря не ответил. У него перехватило горло: похоже, Человек с кинжалом переходит в наступление!

«Ну что ж, я принимаю твой вызов!»

НОЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Когда Без Козыря приехал в Ла Шенэ, у него возникло странное ощущение, будто он снова видит знакомый сон. Замок, цветы, сад, Леонард бежит открывать ворота... Все как в прошлый раз,

ничто не изменилось. Даже солнце светило точно так же. Может быть, и Человек с кинжалом окажется на своем месте?..

Руайер вышел им навстречу. Как только Без Козыря увидел его лицо, он понял: драма продолжается, более того, она вошла в новую фазу.

Хозяин жестом пригласил их в дом.

— Не знаю, как вас благодарить,— сказал он,— за вашу дружескую поддержку.

— Франсуа хотел поговорить с вами,— сообщил адвокат.— Он допустил бестактность, доверившись журналистам...

— Какое это имеет значение,— прервал его Руайер.— Поверьте, мне это совершенно безразлично. Разве мы можем противостоять этой лавине? Человек с кинжалом стал знаменит, как Джоконда. Весь мир переживает по поводу его исчезновения. Я получаю иностранную прессу — и, знаете, этой картиной, оказывается, интересуются и в Лондоне, и в Нью-Йорке... Франсуа, не волнуйтесь, я на вас не сержусь. Но должен вас предупредить: с этого момента надо хранить полное молчание. И вот почему...— Он повел мэтра Робьона и Франсуа в библиотеку.— Вчера раздался этот невероятный звонок. Услышав голос, я, признаюсь, чуть не выронил трубку. Такой низкий голос с сильным итальянским акцентом, голос... голос Человека с кинжалом.

— Верно, кто-то пошутил,— предположил мэтр Робьон.

— Не думаю. Послушайте, что было потом. «Вы хотите снова меня увидеть?» — сказал он; я точно повторяю его слова. Я ответил, что да, хочу. «Хорошо. Если хотите, чтобы я вернулся, вы должны быстро собрать миллион франков купюрами по 50 и 100 франков. Затем ждите моих инструкций».

— Но это же типичный шантаж! — вскипел адвокат.

Руайер пододвинул гостям кресло, а сам сел за письменный стол, заваленный газетами.

— Я пытался ему возразить. Сказал, что миллион для меня — сумма довольно значительная. Но он был непреклонен...

— Вы могли сразу отказаться.

— Это не в моих интересах. Он стóит больше, тем более теперь, и прекрасно это знает. Он обещал позвонить сегодня в шесть вечера и указать место, где я должен оставить деньги.

С этими словами Руайер посмотрел на часы. Без четверти шесть. Хозяин замка поспешил продолжить:

— Человек с кинжалом, вернее, портрет будет уже там. Как видите, он мне доверяет! Короче, вся операция сведется к обмену: взять полотно и положить на его место миллион франков. Правда, он еще добавил: «Я хочу, чтобы деньги были доставлены человеком, заслуживающим абсолютного доверия. Не вздумайте обращаться в полицию, иначе я исчезну снова, и на этот раз — навсегда».

Руайер замолчал, затем задумчиво поглядел на мэтра Робьона и добавил, понизив голос:

— Я предложил вашу кандидатуру, дорогой мэтр. Вы известный человек, ваше имя является синонимом чести и доверия. Прошу вас, извините меня, но у меня не было времени на размышления... А он сразу же согласился. Конечно, я не хотел бы вас принуждать...

— Ну что ж, я согласен, — отозвался адвокат. — Я сейчас в отпуске, и об этом деле никто не узнает. Правда, я не люблю подобных вещей, но вам я помогу.

— Спасибо, спасибо! Сегодня утром я был в Клермон-Ферране и собрал требуемую сумму. Она

здесь. Проверьте, пожалуйста.— Он показал на большой чемодан, перетянутый ремнем.— Теперь остается только ждать звонка...

— А какой у вас договор со страховым агентством? — поинтересовался адвокат.

— Если я не получу картину обратно, размер возмещения будет значительно ниже ее стоимости. Но поскольку я ее выкупаю, то об этой сумме вообще лучше не думать, хотя она бы мне совсем не помешала...

Без Козыря считал, что хозяин дома слишком уж быстро капитулировал.

— Но если картина будет уже в том месте, которое вам укажут,— вмешался он,— надо просто взять ее, а денег не оставлять!

Руайер улыбнулся и повернулся к адвокату.

— Какой горячий у вас помощник!

— Горячий и неосторожный,— отозвался адвокат.— Нет, Франсуа, все не так просто. Когда речь идет о похищении — а это и есть случай обыкновенного похищения,— надо быть вдвойне осторожным. Ты ведь слышал о киднэпинге? В таких случаях родители вынуждены принимать условия похитителей, лишь бы дети вернулись домой здоровыми и невредимыми. Так и мы. Если мы попытаемся обмануть преступника, если я унесу портрет, не положив денег, с картиной обязательно случится несчастье. Она будет уничтожена, я в этом не сомневаюсь. Ты со мной не согласен?

— Не знаю, что и думать,— признался Без Козыря.— Вряд ли Человек с кинжалом сам себя уничтожит.

— Конечно, нет. Но не забудь, что за всем этим стоит исключительно ловкий вор, который к тому же желает произвести на нас впечатление.

— И это у него прекрасно получается,— добавил Руайер.— Признаюсь, что я растерян так же, как и Франсуа. Вчера я готов был поклясться, что говорю с самим Человеком с кинжалом! Если бы украли какую-нибудь другую картину, я бы и пальцем не пошевелил, чтобы ее разыскать. Но эта!.. Может быть, я так держусь за нее, потому что она причинила мне боль. А может, еще и потому, что Человеку с кинжалом не нравится, когда над ним потешаются. Но если...

Его прервал телефонный звонок. Все трое одновременно вскочили. Руайер протянул адвокату отводную трубку.

— Алло? Да, Руайер у телефона. Да, мэтр Робьон согласился стать посредником...

Без Козыря изо всех сил старался услышать голос в трубке, но до него доносилось только неясное бормотание.

— Затерянная башня? Прекрасно, я знаю это место,— говорил Руайер.— Завтра в половине шестого утра? Почему так рано?

Он вопросительно взглянул на адвоката; тот кивнул.

— Хорошо, он там будет. Да, да, мы согласны! Около старого камина, направо от входа? Понятно. Да, обещаю.

Мэтр Робьон отдал хозяину отводную трубку, которую тот медленно положил на место.

— Голос поразительно соответствует картине, не правда ли? — спросил он.

— Потрясающе! — ответил адвокат.— Но у меня снова возникает вопрос: зачем весь этот спектакль? Чем больше я думаю об этом деле, тем более странным оно мне кажется. Эта Затерянная башня — она далеко отсюда?

— Приблизительно в трех километрах. Я вам покажу...

Руайер достал из ящика письменного стола карту, развернул ее и отметил ногтем местонахождение Ла Шенэ.

— Вы поедете по дороге на Озанс и на первом перекрестке повернете налево. По лесной дороге доедете до маленького моста через ручей. Там оставите машину и пойдете вдоль ручья до Затерянной башни. Когда-то в прошлом там стоял дом, но теперь остались одни развалины.

Без Козыря слушал Руайера очень внимательно.

— Этот вор с итальянским акцентом, — заметил мэтр Робьон, — подозрительно хорошо знаком с окрестностями.

Интересно, что Без Козыря думал о том же. Даже если допустить, что с помощью какого-то колдовства Человек с кинжалом ожил, то все равно — откуда он может знать о Затерянной башне, если ни разу не покидал Ла Шенэ? Словом, хватит предаваться фантазиям, как бы это ни было приятно. «Человек с кинжалом» — всего лишь обыкновенная картина. Поэтический налет этой истории полностью развенчан видом чемодана, набитого деньгами, а реальность оказалась на редкость противной.

Без Козыря возненавидел этого наглого типа. Ему вдруг стало так скучно, что он хотел только одного — как можно скорее вернуться в гостиницу. Из одной крайности Без Козыря впал в другую. Он уже хотел выйти из игры, считая себя жертвой обмана. У него в руках была такая красивая игрушка — и вдруг она сломалась. Какое разочарование!

Руайер развязал ремень и открыл чемодан. Внутри лежала целая куча засаленных купюр. И все это богатство — за кусок полотна, покрытый краской? Просто смешно!

Хозяин снова уложил пачки, закрыл крышку и перевязал чемодан ремнем.

— С этого момента, мэтр, деньги будут находиться под вашей охраной. Было бы лучше, если бы вы не возвращались в Шатель. Вы доставите мне огромное удовольствие, если еще раз воспользуетесь моим гостеприимством. Мы поужинаем пораньше, и у вас будет время отдохнуть. А в пять утра я вас разбужу. Я думаю, что так будет проще...

— Я тоже так думаю,— кивнул мэтр Робьон.— Если позволите, я позвоню жене, а затем мы закончим приготовления.

— Можно я погуляю в парке? — спросил Без Козыря.

«Я им мешаю,— думал он.— Я здесь лишний, я ни на что не гожусь...»

Небо затянули серые облака. Без Козыря посмотрел в сторону Пюй-де-Дом. Над горой Дом висела огромная туча.

— Завтра будет гроза,— заметил Леонард, проходивший мимо со своей тачкой.

«Я им не нужен. Я ни на что не годен»,— повторял про себя Без Козыря. Эта мысль стала у него навязчивой идеей, он никак не мог от нее избавиться. Мальчик забрел в конюшню. Там стояла кобыла, отмахиваясь хвостом от мух.

— Бланшетта! Здравствуй, Бланшетта!

Лошадь устало повернула к нему голову, тревожно глядя на мальчика, и пошевелила ушами. Без Козыря, осмелев, погладил ее по холке.

— Чем мы с тобой можем помочь? Ничем. Несчастные мы создания...

Продолжая размышлять, он почесывал лоб лошади. Франсуа не мог смириться с мыслью, что Руайер и отец сдадутся без боя, позволив какому-то проходимцу разбогатеть в одночасье. Как прос-

то! Любой негодяй может захватить заложника, а честные люди вынуждены вставать перед ним на колени... «Нет! Я не согласен! И ты, Бланшетта, я уверен, я знаю,— ты думаешь так же. Мы должны ему помешать. Да перестань же жевать, скажи лучше — у тебя есть какие-нибудь идеи? У меня лично нет, хотя...»

Рука Без Козыря замерла на шее лошади. «Ну, конечно же... именно так... это рискованно, но можно попробовать...»

— Извини, старушка, я должен подумать. Ты мне очень помогла, спасибо!

Мальчик вернулся в замок и поднялся в свою комнату. Там он повел себя весьма странно: разулся и принялся ходить от кровати к окну и обратно. В одном месте пол отчаянно закрипел. Значит, чтобы не шуметь, надо будет сразу повернуть вправо, потом, пройдя кровать, двинуться прямо на шкаф, сделать пять шагов параллельно стене, а потом повернуть налево и пойти к окну...

«Прямо как на минном поле,— думал Без Козыря, который даже сейчас не мог отказать себе в удовольствии поиграть.— Мне бы радар очень пригодился...»

Мальчик открыл окно и выглянул наружу. Бенуа вез по двору тележку с бутылками. Без Козыря подождал, пока он проедет, и принялся изучать фасад. Кажется, получится... Оставалась, правда, еще одна проблема, но тут приходилось надеяться на везение. Франсуа вышел в коридор и вздохнул. Ах, если бы его отец не имел этой ужасной привычки запираяться на ночь! Тогда операция прошла бы просто играючи... Ведь папа всегда так крепко спит! К счастью, из-за жары он наверняка оставит окна и ставни открытыми. Без Козыря прикинул на глаз расстояние до его окон. Метров пятна-

дцать. Немало! А к тому же если пойдет дождь, считай, что все пропало...

Он начал готовиться к выполнению своего плана. Что в этих шкафах? Проведя ночь в замке, он даже не поинтересовался содержимым ящиков... Пусто! Вот и первые трудности... Без Козыря решил осмотреть комнаты другого крыла здания и в одном из шкафов обнаружил стопку старых журналов. Сойдет! Он взял журналы и стал осторожно пробираться обратно.

Раздался гонг к ужину. Без Козыря быстро помыл руки... готово! Он догнал отца и господина Руайера уже в столовой.

Как только они сели за стол, хозяин спохватился:

— Чемодан! Мы оставили его в библиотеке. Какая неосторожность! Особенно после всего происшедшего...

— Я сбегаяю,— с готовностью вызвался Без Козыря.

Он пересек гостиную — пустая рама так и висела на стене, ожидая возвращения Человека с кинжалом. Чемодан лежал на письменном столе. Взяв его, мальчик отметил, что чемодан легче, чем он предполагал. Тем лучше! Без Козыря принес чемодан в столовую и положил на стул.

— Мы позвоним в полицию сразу же, как вы вернетесь,— говорил Руайер адвокату.— Хотя не думаю, что это что-нибудь даст...

Мэтр Робьон повернулся к сыну.

— А ты, Франсуа, держи язык за зубами!

Без Козыря пообещал молчать. Он как раз намеревался показать им, на что способен сдержанный и решительный человек.

Ужин закончился быстро. Ни у кого не было желания долго сидеть за столом.

— Вы возьмете с собой оружие? — спросил Руайер.

— Зачем? — покачал головой мэтр Робьон. — Я ничем не рискую. Я не впервые оказываюсь втянутым в подобную историю, но у меня никогда не возникало осложнений. Это ведь просто обмен: заложник с одной стороны, выкуп — с другой. Ни одна сторона не заинтересована в обмане.

— Как ты думаешь, папа, ты увидишь вора?

— Зачем ему показываться? Может быть, он будет поблизости, чтобы убедиться, что я действительно несу чемодан. Но я его, конечно, не увижу.

— А если ты оставишь только половину суммы?

— Мы же дали слово!

«А я, — подумал Без Козыря, — никакого слова не давал!»

И он положил себе еще сыра. Надо хорошенько насытиться: ночь предстоит трудная. Мальчику не хотелось больше слушать разговоры взрослых, и он первым пошел спать. Но на кровать лег одетым. Спать ему сегодня не придется.

Вскоре Без Козыря услышал тяжелые шаги господина Руайера и более легкую поступь отца. Дверь соседней комнаты, которую занимал хозяин, закрылась. Потом хлопнула другая, в замке повернулся ключ. Это мэтр Робьон принимал меры предосторожности.

Без Козыря поднялся и бесшумно, на цыпочках, подошел к окну. Дождя не было. Свет, лившийся из окон, бросал во двор две длинные светлые полосы. В метре от окна, внизу, был декоративный карниз. Сейчас он показался мальчику уже, чем когда он смотрел на него днем, но на него можно было опереться. Было жарко. Все окна, видимо, открыты.

Свет в комнате мэтра Робьона погас; что же касается хозяина, то, похоже, он спать не собирал-

ся. Ставни он, разумеется, не закрыл — значит, пока не уснет, мимо его окон пройти не удастся. Легкий ветерок пошевелил листьями деревьев, и Без Козыря вдруг заметил, что он весь в поту. Ожидание становилось невыносимым...

Мальчик добрался до кровати и растянулся на ней. Еще целый час ждать!

Через некоторое время Без Козыря почувствовал, что веки у него тяжелеют. Чтобы не заснуть, он начал читать про себя басни Лафонтена. Его решимость мало-помалу улетучивалась. От карниза до земли полных три метра, а то и четыре...

Кто разрешил тебе мутить мой водопой?..

Да, скорее четыре. Прыгать с такой высоты опасно, в темноте можно неудачно приземлиться.

Коль это был не ты, так это был твой брат...!

И все-таки надо действовать, как бы это ни было рискованно... Наконец в комнате Руайера тоже погас свет. Ночь была абсолютно темной, без единой звезды.

Без Козыря вылез в окно, перевернулся и лег животом на подоконник, нащупывая ногой карниз. Вот он! На него вполне можно встать. Мальчик медленно выпрямился. Он не раз видел по телевизору, как альпинисты боком передвигались по скале, прижавшись к ней щекой и телом, раскинув в стороны руки, как будто обнимая скалу. Ему сейчас надо сделать то же самое...

Левой ногой он встал на каменный выступ в стене, раздвинул ноги, напряг все мускулы... Спокойно, без паники! Перенеся вес тела на левую ногу, Без Козыря осторожно подтянул к ней правую. Первый шаг сделан!

¹ Строки из басни Лафонтена «Волк и ягненок».

Еще десять таких шагов, и он оказался перед окном хозяина. Но Франсуа уже хорошо владел собой, двигался, как кошка, и легко преодолел это опасное место. На несколько секунд он остановился передохнуть, упершись горячим лбом в стену. Потом медленно, но уверенно двинулся дальше.

Наконец он добрался до отцовского окна, которое, как и окно хозяина, было раскрыто настежь. Без Козыря прислушался. Тишина. Нет ничего проще, чем перекинуть через окно ногу, за ней другую... Отец ровно дышал во сне. Без Козыря встал на четвереньки и пополз к кровати. Чемодан, конечно, лежит на стуле на расстоянии вытянутой руки от кровати... Мальчик шарил в темноте, пока не наткнулся на что-то тонкое и круглое. Да ведь это ножка стула! Он поднимал руку выше и выше, пока пальцы не уперлись в чемодан. Без Козыря встал и взял чемодан за ручку. Но как быть дальше? Ползти на четвереньках с таким багажом абсолютно невозможно!.. Вдруг паркет хрустнул, и сразу изменился ритм дыхания спящего. Без Козыря замер, подумав про себя: «Прости, папа, это не я вор, это другой. Смотри не перепутай!»

Потом он снова двинулся в темноту. Ветерок, который дул из окна, служил ему ориентиром. Мальчик вылез на карниз... тут-то и начались настоящие трудности! Чемодан нарушал равновесие и тянул его вниз; кроме того, держаться за стену можно было теперь только одной рукой. Дыхание начало учащаться, а это плохо. Так можно и сорваться! С ним в связке никого нет, нет ни ледоруба, ни «кошек»... И опять его единственным козырем остается смекалка. Разве не глупо было брать чемодан в правую руку?.. Надо ее освободить. С помощью медленных, осторожных движений, следя, чтобы не покачнуться, Без Козыря пе-

ренес чемодан из правой руки в левую. Но при таком положении чемодан касался стены и при малейшем шевелении царапал ее, издавая вполне отчетливый скрип. Спасал только шум ветра. Деревья в парке временами стонали, как вода в водосточной трубе,— это еще называют «зеленым шумом»...

Без Козыря удалось пройти так около десяти метров, но под окном мсье Руайера он услышал шорох и замер.

Хозяин ходил по комнате. Вот он пересек комнату и подошел к окну. Совсем рядом с Без Козыря появились его руки, которые что-то искали. Наконец Руайер нащупал ставни и со стуком захлопнул их. Видимо, хозяина разбудил шум ветра и он в полудреме встал, чтобы закрыть окно. Без Козыря просто повезло!

Удача удвоила его силы. Он снова двинулся вперед и скоро оказался у окна своей комнаты. Мальчик влез в окно и на цыпочках, чтобы не шуметь, подошел к кровати. Первый этап операции был выполнен.

А дальше все было просто. Он расстегнул ремень, открыл крышку чемодана, вытряс его содержимое прямо на кровать и аккуратно заполнил чемодан старыми журналами. Рассматривать деньги ему было некогда; он просто высыпал всю кучу в плед, завернул его и сунул сверток под кровать. Без Козыря прикинул вес чемодана — похоже, он не изменился,— затем снова запер его, перевязал ремнем и стал думать, как бы ему снова преодолеть путь по карнизу, чтобы вернуть чемодан на прежнее место.

В конце концов он решил, что сначала ему необходимо отдохнуть. Растянувшись на кровати, Без Козыря принялся размышлять. Зачем он так рискует? Чтобы обмануть вора? Да, безусловно.

Чтобы спасти деньги господина Руайера? Чтобы доказать отцу, что он уже не маленький? Все это, конечно, так; но у него была еще одна цель, настолько тайная, что он даже не решался ее сформулировать. Без Козыря хотел не просто вернуть Человека с кинжалом — он хотел пленить его. Мальчика охватил охотничий азарт. Человек с кинжалом сумел убежать не понятным никому способом, а теперь Без Козыря заставит его вернуться! Хитрость против хитрости. Последнее слово останется за тем, кто перехитрит.

Почти полночь. Без Козыря встает, берет чемодан, и вот он уже совершает обратный путь по стене. Небо немного очистилось, сквозь облака временами проглядывает луна. Это усложняет мальчику задачу. Во-первых, его могут увидеть, но главное — теперь он сам прекрасно видит, как далеко до земли... Сколько он ни повторяет себе: «Здесь не более четырех метров», — но коварный лунный свет увеличивает расстояние, и земля кажется очень далекой. Без Козыря чувствует себя парящим в воздухе канатоходцем. К счастью, путь ему уже знаком, и он без особых трудностей достигает цели.

Адвокат по-прежнему спокойно спал. Без Козыря тихонько добрался до стула и наконец отделился от чемодана. Возвращение обратно показалось ему уже просто пустяком. Теперь у него были свободны обе руки, а на сердце стало легко и спокойно. Мальчик вернулся в свою комнату, со вздохом улегся в кровать — и тотчас уснул.

Когда он проснулся, часы показывали семь. Без Козыря быстро оделся, спустился вниз и пошел на звук голосов в гостиную. На пороге он замер. Человек с кинжалом был на месте. Они обменялись острыми взглядами, как дуэлянты.

— Вы можете подойти поближе, Франсуа. Это

действительно он,— сказал Руайер.— Спасибо вашему отцу, которого я даже и не знаю, как благодарить.

— Ну что вы! Это была просто прогулка,— улыбнулся мэтр Робьон.— Труднее всего было разыскать Затерянную башню. Сами понимаете, когда не знаешь местности...

— Никого не встретил? — поинтересовался Без Козыря.

— Разумеется, никого. Картина лежала на условленном месте. Я взял ее, положил деньги, и все.

Руайер ходил вокруг портрета, разглядывая его то вблизи, то издалека, то сбоку, то прямо...

— Он не пострадал,— шептал он.— Ни одной царапины. Я так этого боялся...

— Вы же видели, как он был упакован. Что ж, пожелаем ему не покидать более эту стену. Кстати, если позволите дать вам совет, я бы на вашем месте установил в доме сигнализацию.

— Совершенно с вами согласен,— ответил Руайер.— Как только появится такая возможность... Но сначала мне надо поправить мое финансовое положение. После такой потери...

Без Козыря расхохотался.

— У меня для вас сюрприз, мсье Руайер. Подождите минутку.— Он одним духом взлетел вверх по лестнице, вбежал в свою комнату, схватил сверток и перекинул его через плечо. Ох и удивит он их сейчас!

Сбегая вниз, Франсуа оступился и чуть было не упал. Сердце у него бешено колотилось. И вот наконец он развернул перед отцом и Руайером свой сюрприз...

— Вот ваш выкуп,— объявил он.— Здесь все до последнего франка.

Руайер и адвокат застыли.

— Сегодня ночью,— объяснил Без Козыря,— я заменил деньги старыми журналами.

— Ты это сделал?! — проговорил адвокат.

Он сказал это таким жестким тоном, что Без Козыря даже растерялся.

— Я украл у вора. Разве это плохо? — пробормотал он.

Адвокат повернулся к хозяину.

— Я не должен был привозить его с собой. Обычно я бываю осторожнее...

— Послушай, папа...

— Замолчи. Жди меня в машине!

— Уверяю тебя, что...

— Хватит! Ты способен только на глупости. Ты даже не понимаешь, что теперь, по твоей вине, господин Руайер оказался в большой опасности. Воровать у вора, как ты только что выразился, весьма рискованно. Ты поставил нас в очень трудное положение.

— И все-таки...

— Ни слова больше! Мы сами разберемся. А теперь уходи.

СТРАННЫЙ ТЮРЕМЩИК

Без Козыря терзали гнев и унижение. Так стараться — и ради чего?.. Он, конечно, понимал, что влез в дело, которое его не касалось. Ну и что?! Он же действовал абсолютно бескорыстно, стараясь помочь господину Руайеру. Разве мог бы кто-нибудь другой сделать такое?.. Нет, это все-таки очень несправедливо. Просто до слез! Мальчик зло хлопнул дверцей машины. Когда пришел отец, у Франсуа было такое упрямое выражение лица, что адвокат воскликнул:

— Нет, вы посмотрите, он еще обижен! Ну это уж слишком!..

Мэтр Робьон был в ярости. Запустив мотор, он тронул машину с места, а когда выехал из поместья, замедлил ход и посмотрел на сына.

— А теперь расскажи, как тебе удалось заметить содержимое чемодана в запертой на ключ комнате.

— Я прошел по карнизу.

— По карнизу?! Да ты с ума сошел! Ты же мог сломать себе шею!

Адвокат остановил машину на обочине.

— Франсуа, давай поговорим. Эта картина просто с ума тебя свела — не спорь, я за тобой наблюдал. Ты же понимаешь, я тоже когда-то был подростком. Это трудный возраст, потому что в это время человек может уже рассуждать как взрослый, но чувства у него остаются детскими. Ты понимаешь, что натворил? Посреди ночи балансировать на карнизе шириной с мою руку! Только не вздумай рассказывать маме...

— Но ведь господин Руайер доволен?

— Ты так думаешь? Да он просто в ужасе! Пойми, Франсуа, — этот вор, обладающий недюжинным умом и смелостью, никогда не простит нам обмана. Он нанесет ответный удар, который на этот раз будет направлен на самого Руайера. Как это произойдет, я не знаю, но ясно одно: виноват в этом будешь ты. Теперь война объявлена, и нам повезет, если он не примется за нас с тобой. Я для него уже не нейтральный посредник; обманув его, я стал его врагом. Все изменилось, понимаешь? Переговоры сорвались, и теперь наш враг прибегнет к жестким мерам.

Без Козыря подавленно молчал.

— Я не хочу тебя пугать, — снова заговорил мэтр Робьон. — Тебе повезло, что я был втянут в эту историю только как сосед и добровольный советник, иначе... Короче, я запрещаю тебе выходить

за пределы Шатель-Гюйона. Имей в виду, что положение очень серьезное. Ты все понял?

— Да, папа.

И адвокат нажал на газ. Без Козыря размышлял, грустно забившись в уголок. Подумаешь, какой-то вор! Зачем все эти предосторожности? Отец явно перестраховывается. Вор побежден, и он их не тронет. Наверняка они о нем больше не услышат. А его сообщник, Человек с кинжалом, теперь под надежной охраной. С помощью спасенного миллиона мсье Руайер сможет превратить замок в настоящую крепость. Проведут там всякие электропровода, звонки, поставят специальные замки... Без Козыря немного помечтал о том, как дом можно превратить в настоящий сейф с бронированными дверями и окнами. Чтобы пройти из одной комнаты в другую, надо произнести пароль... Эту игру с самим собой он затеял специально, чтобы немного залечить рану, нанесенную его самолюбием. Хоть бы спасибо сказали за то, что он им вернул целое состояние! «Ну и ну их,— думал Без Козыря.— Пусть теперь сами разбираются!»

— Ну как? — спросила мадам Робьон.

— Все в порядке,— ответил адвокат.

— Картину вернули?

— Да. Но на месте Руайера я бы немедленно ее продал.

— А как дела у тебя, Франсуа? Ты спал ночью? Что-то ты бледненький... Слава Богу, что с этим делом покончено. Ты чем-то расстроен?

— Нет,— покачал головой Без Козыря.— Все нормально.

И жизнь потекла как раньше, по крайней мере на первый взгляд. Без Козыря сдержал слово и не уезжал из Шатель-Гюйона. Иногда он снимал на

пленку какую-нибудь сценку возле источника. И, конечно, ждал газет с сообщениями о происшествии в Ла Шенэ. И такие газеты действительно появились. Репортеры сообщали, что «Человек с кинжалом» вернулся в замок, но, поскольку никто из них не знал обстоятельств дела, они соревновались между собой в изобретении вариантов. Некоторые утверждали, что за картину была выплачена огромная сумма. Кое-где было упомянуто имя Робьона, что привело адвоката в ярость; впрочем, никто из газетчиков так и не понял, какую роль он сыграл в этой истории. Без Козыря, забавы ради, сочинил статью, которую он, единственный свидетель, знающий всю подноготную этого дела, мог бы написать. «Смелый подросток вырывает миллион из рук бандита. Пренебрегая опасностью, он ночью, на высоте нескольких метров от земли, проходит по узкому карнизу...» Зачем, впрочем, все это, если они не оценили его заслуг и к тому же запретили ему говорить правду? Так, растравляя свои раны, Без Козыря меланхолично бродил по парку Казино. Иногда он присаживался в тени каштанов рядом с матерью.

— Ну что ты бродишь как неприкаянный? — спрашивала мадам Робьон. — Прокатился бы лучше на велосипеде! Не надоело тебе здесь?

Франсуа отмалчивался или придумывал какие-нибудь нелепые причины. Не мог же он признаться, что отец запретил ему покидать Шатель-Гюйон!

— В следующий раз я отправлю тебя в Кермол. Ты будто нарочно хочешь меня расстроить.

Словом, он был жертвой обстоятельств, и это становилось просто невыносимым! За обедом Без Козыря почти все время молчал; отец тоже был не слишком разговорчив. Особенно старательно он избегал говорить о Руайере. «Человек с кинжалом» превратился в запретную тему. Но когда в гостини-

цу приходил доктор Доден — а здесь у него было немало пациентов, — адвокат отводил его в сторонку и они подолгу разговаривали.

А что же творилось в Ла Шенэ? В один прекрасный день мадам Робьон без всякого умысла затронула эту тему:

— Как дела у мсье Руайера? Что-то я давно ничего о нем не слышу.

— Он потихоньку восстанавливает свое здоровье, — ответил адвокат. — Прежде чем вернуться в Париж, мы заедем к нему попрощаться.

— Мне бы хотелось посмотреть на его поместье, хотя бы издали. Может, мы как-нибудь соберемся и проедем мимо него на машине, не беспокоя хозяина?

— Почему бы нет?

— Тебе эта идея, кажется, не очень нравится?

— Честно говоря, я в затруднении. Доктор Доден говорит, что мсье Руайер хочет сделать мне подарок, чтобы отблагодарить за оказанную услугу. — Тут он бросил взгляд на Без Козыря. — А я по ряду причин не хочу принимать этот подарок. — Новый взгляд. — Поэтому мне не хотелось бы встречаться с Руайером, но, конечно, никто нам не запретит проехать мимо его поместья. Там есть одно место, откуда прекрасно виден весь замок. Мы могли бы выехать после обеда, когда ты выпьешь свою минеральную воду.

— И меня возьмете? — осведомился Без Козыря.

— Естественно, — улыбнулась мадам Робьон.

Без Козыря с трудом удалось скрыть свою радость. Ему так хотелось еще раз увидеть Ла Шенэ! Этот замок был для него теперь не просто архитектурным шедевром: он напоминал о той ночи, когда Франсуа сумел доказать свою ловкость и хладнокровие.

После обеда он ушел в свою комнату и позволил себе еще раз насладиться фильмом о Человеке с кинжалом. Это был действительно прекрасный фильм! Без Козыря прокрутил его несколько раз, и теперь между ним и Человеком с кинжалом возникло нечто вроде дружбы. Так случается иногда, когда два врага, скрестив шпаги, понимают, что они достойные противники. И тогда начинается настоящий разговор...

«Как же тебе все-таки удалось убежать из гостиной, когда все двери и окна были закрыты?»

«А ты как умудрился спасти руайеровский миллион?»

Лукавство, блесевшее во взгляде Человека с кинжалом, отразилось в глазах Без Козыря. «Мы как два акробата под куполом цирка», — подумал мальчик, открывая ставни. Он уложил камеру, сменил одежду и тщательно причесался. Ему хотелось выглядеть безупречно.

Машина уже стояла перед гостиницей.

— Ты, как всегда, опаздываешь, — заметил мэтр Робьон.

— Ого, даже галстук надел! — удивилась мадам Робьон. — Малыш, ты нарядился как на праздник!

— У меня же каникулы! — весело отозвался Без Козыря.

Он забрался на заднее сиденье машины и принялся с интересом рассматривать пейзаж. Подъёмы, спуски, ровные прогалины между рощицами, а вдаль, в голубой дымке, вершина Пюй-де-Дом, так похожая на гору Сен-Мишель...

«А здесь неплохо, — думал он. — Правда, на мой вкус многовато лесов. Жаль еще, что дорога так долго идет по дну лощины. Так и ждешь засады...» Он тут же представил себе сцену: бандиты останавливают дилижанс, окружают его со всех сто-

рон, держа под дулами пистолетов, а их главарь, верхом на горячей лошади, окриками заставляет пассажиров выйти. А ведь Человек с кинжалом тоже мог в свое время быть таким же предводителем банды...

— А вот и Ла Шенэ,—сказал мэтр Робьон. Мадам Робьон взглянула в окно.

— Я ожидала увидеть старинный замок с башнями и бойницами. По рассказам Франсуа я решила, что это настоящая крепость.

— Франсуа всегда преувеличивает. Это просто старинное поместье, причем прекрасно сохранившееся. Доктор Доден считает... Но что это? Я вижу его машину. Неужели Руайер заболел? И что тут за толпа у ворот? Я вижу Сесиль, Леонарда, Бенуа... а вот и сам Доден...

Доктор, заметив машину адвоката, сделал знак, чтобы он повернул к дому.

— Что-то случилось,—пробормотал мэтр Робьон, выруливая на подъездную аллею.

Доктор бежал им навстречу. Не дожидаясь, пока машина остановится, он прокричал:

— Руайер исчез!

У Без Козыря перехватило дыхание.

Адвокат вышел из машины и вместе с доктором поспешил к воротам.

— Он уехал сегодня утром, часов в девять,—объяснял врач.—Как всегда, в своей легкой коляске.

— Я ведь его предупреждал...—прошептал мэтр Робьон.

— Он не вернулся к обеду, и Бенуа сразу же мне позвонил. Я думаю, надо поскорее сообщить в полицию. Раз он не вернулся вовремя, значит, с ним что-то случилось.

Мадам Робьон тоже вышла из машины. А у Без Козыря не хватало духу подойти к родителям;

он затаился на заднем сиденье, прислушиваясь к разговору.

— Он здоров? — спросил мэтр Робьон.

— Да, вполне. Правда, иногда он казался мне озабоченным, удрученным... И все же, я думаю, в последнее время он стал лучше себя чувствовать. Он даже пригласил из Клемон-Феррана специалиста, который собирался установить сигнализацию, и проявлял к этому делу большой интерес.

— А лошадь? Могла она понести?

— Бланшетта? Да что вы, она такая смирная! Кроме того, она уже не в том возрасте, когда летящий по ветру листок бумаги может заставить ее свернуть с дороги.

— А если бы господин Руайер по какой-нибудь причине задержался, он бы позвонил?

— Безусловно, — ответил Бенуа. — Так бывало не раз.

— Не получал ли он вчера или сегодня утром писем? Не было ли телефонных звонков? Если да, то тогда, возможно, для его опоздания есть причины...

— Нет, — покачала головой Сесиль. — Я сама приношу почту, и вчера нам доставили только газеты, никаких писем не было. А телефон за весь день не звонил ни разу. — Она вытерла ладонью заплаканные глаза. — Я думаю... это опять проделки того типа.

И все поняли, что она имеет в виду.

«Папа прав, — думал между тем Без Козыря, — это я во всем виноват». Он представил себе окровавленного Руайера, лежащего в зарослях вереска... Волнение и горечь душили мальчика.

Вдруг Леонард вскрикнул:

— Вон он!

Все, словно по команде, повернули голову в

сторону небольшого леска справа от замка, куда показывал Леонард. По опушке, степенно перебирая ногами, шагала Бланшетта. Но коляска была пуста!

Леонард бросился открывать ворота. Завидев знакомую аллею, Бланшетта перешла на рысь. Леонард схватил лошадь за удила.

— Тише, моя хорошая, иди сюда!

— Смотрите, здесь записка! — воскликнул доктор.

Бенуа отколол листок от коляски. Доктор громко прочел: «Я не люблю, когда надо мной смеются. Человек с кинжалом».

Мэтр Робьон взял у него записку. Почерк был тот же, что и в предыдущем письме.

— Как глупо!.. — прошептал он и бросил взгляд в сторону замка. Все собравшиеся посмотрели туда же.

— Я только что проходила через гостиную и видела его, — прошептала Сесиль.

— Пошли туда, — решил доктор.

Он быстро зашагал по аллее, и все остальные, подгоняемые беспокойством, устремились за ним.

Без Козыря, забытый в машине, наконец вышел и сразу же направился к коляске. Никаких следов. Ни единой царапины на блестящей крашеной поверхности. Сиденье чистое, вожжи старательно привязаны к ручке тормоза. Видимо, это было сделано специально, чтобы они не волочились по земле и не мешали лошади. Нападение на Руайера было совершено, видимо, на некотором расстоянии от коляски, и только когда он уже был связан, его противник написал и приколот записку. Может быть, у преступника с хозяином замка была назначена встреча? Или же Руайера остановило на дороге какое-то препятствие, он вышел из коляски, и преступник воспользовался этим, чтобы на-

пасть... А может, он просто поехал на прогулку в свое любимое место, а кто-то, кто был в курсе привычек Руайера, затаился там и схватил его. В общем, строить предположения можно бесконечно, но ясно одно: нападавший знал Бланшетту и не сомневался, что она вернется домой.

Без Козыря понимал, что это последнее обстоятельство особенно важно. Хозяин замка регулярно ездил на прогулки, и кто-то — Леонард? Бенуа? — говорил, что Бланшетта знает все маршруты Руайера и что хозяин частенько доверяет ей выбор, куда его везти. Что, если попробовать отвести Бланшетту в тот лесок, откуда она вышла? Не отправится ли она к месту, где оставила своего хозяина?

Поблизости не было ни души. Без Козыря взял кобылу за удила, как это делал Леонард, и слегка потянул. Она тотчас же засемила за ним. Мальчик довел ее до опушки и залез в коляску. Конечно, родители, не найдя его, ужасно перепугаются; но зато, если с помощью Бланшетты Без Козыря удастся найти место, откуда похитили Руайера, он будет прощен и за этот проступок, и за предыдущие. Он виновен в бедах господина Руайера, он и должен его выручать. И вообще — долгие колебания не были в его привычках.

— Вперед, Бланшетта! Но!..

Лошадь прынула ушами и тронулась в путь...

Через несколько минут Без Козыря совершенно потерял ориентировку. Коляска катила по извилистой тропинке, засыпанной опавшими листьями. И хоть сквозь деревья кое-где еще пробивались красноватые лучи заходящего солнца, темнота наступала на мальчика со всех сторон.

А Бланшетта спокойно шла вперед. Смотреть на нее сверху, с сиденья, было очень забавно. Отсюда видны были только ее спина, бока и уши, ко-

торые постоянно шевелились. Ноги ее действовали, как отлаженный механизм, а копыта стучали так же размеренно, как поршень дизель-машины. Достаточно было прикрыть глаза, как создавалось впечатление, что плывешь на пароходе. Коляска ровно катила по тропинке, покачивались рессоры, шуршала кожа сиденья, поскрипывало дерево... Без Козыря встряхнулся. Нет, сейчас не время мечтать, хотя при других обстоятельствах такая прогулка могла бы быть очень приятной...

Лесная дорога несколько раз пересекала просеки, по которым тянулись глубокие колеи, оставленные колесами машин. Становилось все темнее. Мальчик поежился. «Может, зря я пустился в этот путь?» — пронеслось у него в голове.

Но вот наконец они выехали на неширокую, но твердую дорогу. Без Козыря облегченно вздохнул: какая-никакая, а все же примета цивилизации! Он даже заметил вдали ферму и девочку, погонявшую стадо коров. Впереди показался горбатый мостик; от ручья веяло вечерней прохладой.

А потом мальчика снова окутала тишина леса. Лошадка уверенно шла своей дорогой. Вокруг нее уже витало небольшое облачко пара, отдававшее запахами горячей шерсти и сена. Бланшетта шла не очень быстро, где-то километра четыре в час. Сколько же они проехали? Без Козыря попытался подсчитать, но быстро запутался. Он пожалел, что, отъезжая, забыл засечь время. Но теперь уже отступать некуда... Темнота продолжала сгущаться; сквозь листву начали мелькать первые звезды. Бланшетта замедлила шаг.

— Ну что же ты, Бланшетта? Но!

Лошадь остановилась и подняла голову, как собака, которая принюхивается к окружающим ее запахам.

— Пожалуйста, Бланшетта, вперед!

И кобыла снова тронулась с места. Без Козыря задумался. Что, если идея, на которую он сделал ставку, окажется ошибкой и Бланшетта не привезет его туда, куда он рассчитывал? А если она вдруг не захочет ехать обратно? Ведь тогда ему придется провести в лесу всю ночь! Без Козыря был типичным горожанином. Он очень любил природу, но все же предпочитал людные улицы, электрический свет, шум толпы... И поэтому сейчас почувствовал себя потерянным.

Лошадь свернула в сторону и прошла мимо заброшенной лачуги. Здесь? Нет, Бланшетта шагала дальше. Вскоре пейзаж начал меняться. Коляска выехала из леса и покатила по каменистой равнине. Для своих одиночных прогулок Руайер, видимо, выбирал самые дикие места... Без Козыря обрадовался, что они выехали на равнину: здесь было светлее. Справа он различал поля, которые спускались в долину. Скоро дорога пошла резко вниз, а потом они снова въехали в темноту леса.

Без Козыря уже совершенно ничего не видел, различал только, и то с трудом, светлую спину Бланшетты. Впереди слышалось журчание воды; со всех сторон на мальчика наступал легкий туман. Вдруг рессоры коляски закрипели, и копыта Бланшетты застучали по твердой земле. Как только она находит дорогу в такой темноте?

Шум реки был все ближе. Ветки деревьев цапали коляску, и мальчику казалось, что это тянутся к нему чьи-то скрюченные пальцы... Теперь его поддерживало только живое и теплое соседство Бланшетты. Только не думать о Человеке с кинжалом! Без Козыря называл его про себя «он». Мальчик успокаивал себя, твердя: «Он в замке, он не мог снова уйти из Ла Шенэ, он далеко...»

Бланшетта свернула, и глазам Без Козыря открылось огромное небо, усыпанное звездами.

Мальчик сразу почувствовал себя не таким одиноким. Звезды были его друзьями; они придавали смысл небесному пространству, посылая привет из темной пустоты...

И вдруг прямо перед собой Франсуа увидел высокое здание. Коляска въехала на какое-то подобие площади, и Бланшетта остановилась. Стоп! Опасность! Здание означало возможную ловушку, которая могла в любую минуту захлопнуться. Без Козыря приободрился: похоже, его ожидания оправдывались — Бланшетта привела его к месту исчезновения хозяина... Мальчик представил себе, что именно в этот момент полицейские останавливают на дорогах машины и допрашивают ни в чем не повинных людей... А он, Без Козыря, уже здесь!

Но что он может сделать один? Может, Руайер ранен... или убит?.. В общем, сначала его надо найти. А что делать потом?

Без Козыря боялся пошевелиться, не сводя глаз с темного фасада. Вышла луна, и при ее свете мальчик наконец сориентировался. Коляска стояла в большом дворе, заросшем густой травой. Похоже, что это двор мельницы или молочной фермы. Здание казалось довольно массивным; видимо, оно уже не использовалось — иначе двор не был бы так запущен.

Надо как можно скорее убрать коляску... Без Козыря огляделся. Справа он заметил кучу всякого мусора, а слева была мельница, вернее — бывшая мельница. Судя по шуму падающей воды, водосброс действовал плохо, и уровень воды был слишком низким. А когда-то вода, наверное, заставляла крутиться мельничное колесо...

Без Козыря взял Бланшетту под уздцы. Она коротко заржала.

— Тише! Нас могут заметить...

Мальчик развернул лошадь и стал осторожно продвигаться вперед. Он искал какое-нибудь дерево, чтобы привязать Бланшетту. Вот, наконец... Без Козыря отцепил вожжи и привязал ими лошадь.

— Стой спокойно. Жди меня. И будь умницей, хорошо?

И он зашагал обратно, поминутно оглядываясь. Листва деревьев полностью скрывала лошадь и коляску. Мальчик шел вперед до тех пор, пока не наткнулся на каменную стену мельницы. Видно было, что здесь давно никто не живет; окно было крест-накрест забито досками. Рядом валялись оторванные ставни: сквозь них уже проросла трава. Без Козыря заглянул в окно и сквозь крышу увидел небо и звезды. Затем он наткнулся на сарай, заваленный старыми ящиками; здесь были даже два кузова от грузовиков. Мальчик двигался очень осторожно. Он никак не мог избавиться от мысли, что каждую минуту может наткнуться на тело хозяина Ла Шенэ...

Обойдя мельницу кругом, Франсуа остановился. На втором этаже здания его глаза, уже привыкшие к темноте, вдруг заметили слабый свет, просачивающийся сквозь ставни. Сомнений не было: там должен находиться мсье Руайер.

Без Козыря прислонился к стене, задыхаясь от волнения и радости. Возможно, пленника охраняют; как послать ему сигнал, что помощь близко?

Мальчик быстро прикинул план действий. Часть мельницы, выходящая к реке, была разрушена, но то крыло, у подножия которого он сейчас стоял, неплохо сохранилось. Как же проникнуть внутрь? Без Козыря подергал дверь — заперто. На окнах первого этажа решетки. Как бы взобраться на второй этаж?.. И тут он вспомнил о куче ящиков в сарае. Мальчик вернулся туда, осмотрелся...

Какая удача! На стене, на крепком крюке, висела лестница. Без Козыря постучал по ней — выдержит! Взвалив лестницу на плечо, он понес ее к дому.

Сначала ему показалось, что лестница недостаточно длинна, но нет — она как раз доставала до того окна, откуда просачивался свет. Без Козыря набрал побольше воздуха и начал карабкаться наверх...

Однако не все было так просто. Добравшись до последней ступеньки, мальчик понял, что для того, чтобы удержать равновесие, надо найти опору. Но где ее взять? Тогда он просто схватился за камни, из которых была сложена стена, — и в этот момент заметил тоненькую полоску света из соседнего окна. Без Козыря решил, что надо будет заглянуть и туда тоже. Наклонившись к первому окну, он прижался лбом к щели между ставнями. Ничего не видно. Тогда он изменил позицию и снова заглянул в щель...

И увидел мсье Руайера.

ПЛЕННИКИ

Руайер сидел на старом диване, сжав голову руками, и, казалось, предавался мрачным размышлениям. Здесь, как и на первом этаже, окно было закрыто решеткой из толстых металлических прутьев. Один из них заслонял щель, и мальчик смог рассмотреть только угол пыльного пола с люком и стол, на котором лежал кусок хлеба и стояла кружка.

Без Козыря слишком сильно напрягал ноги, и они начали болеть. Тогда мальчик немного отодвинулся от стены, чтобы передохнуть. Нечего было и думать о том, чтобы постучать в ставню или ка-

ким-то другим способом известить Руайера о своем присутствии; единственный выход — немедленно вернуться в Ла Шенэ и поднять тревогу. Но прежде чем уехать, Без Козыря должен узнать, кто же этот загадочный тюремщик, который стережет мсье Руайера.

Чтобы заглянуть в щель соседнего окна, надо было наклониться вправо. Мальчик изо всех сил вытягивал шею, выгибался, опираясь на одну ногу, но дотянуться так и не смог. Выход был один — спуститься и переставить лестницу. Так он и сделал. Снова поднявшись наверх, он приник глазами к щели между ставнями... И замер.

Перед ним была картина «Человек с кинжалом». Маска, красный плащ... Без Козыря даже прикрыл глаза. Нет, это невозможно! Не может

же картина находится одновременно и там, и здесь! Причудливое освещение создавало впечатление, что *он* сошел с полотна. Только вот положение головы не совпадало с картиной: голова тюремщика была повернута влево, в направлении комнаты, где находился Руайер.

«Я брежу,— подумал Без Козыря.— Я просто очень устал. Чтобы картина стерегла своего хозяина! И все же...»

Мальчик немного отодвинулся, чтобы поискать в ставне щель пошире. Единственным отверстием, которое он нашел, оказалась дырка от шурупа. Без Козыря глубоко вздохнул, как пловец, начинающий заплыв, и приткнулся к ней, пытаясь получше рассмотреть комнату. Мальчику показалось, что губы Человека с кинжалом шевелятся... Да, так и есть — *он* разговаривает! И вдруг Человек с кинжалом сделал шаг вперед, потом другой... Позади него развевался красный плащ.

Сомнений не было: *он* шел к окну. Глаза его блестели, словно сапфиры...

Без Козыря стал торопливо спускаться. В спешке он то и дело проскакивал мимо ступенек и, попадая ногой в пустоту, вздрагивал, боясь потерять равновесие. Схватившись за решетку окна первого этажа, он проскочил последнюю ступеньку и... Мальчик не сразу понял, что с ним произошло. Оказывается, его нога попала между лестницей и стеной; лестница покачнулась, задела ставни и тяжело рухнула на землю. Напуганный мальчик свалился вместе с ней. Он лежал на спине, боясь шевельнуться...

Из дома слышались какие-то звуки. Без Козыря встал на четвереньки... Окно второго этажа резко распахнулось, и в нем появился грозный силуэт Человека с кинжалом! Мальчик в панике бросился бежать. Где же коляска? Он уже не мог

вспомнить, где оставил ее, он не узнавал ничего вокруг...

Вдруг совсем рядом раздался шум падающей воды. Франсуа перебежал скрипучий мостик и, обернувшись, увидел, что за ним несется черная фигура. Мальчик рванул, не разбирая дороги. Только через некоторое время он понял, что слева от него река, и это его обрадовало. Без Козыря инстинктивно стал приближаться к ней, как к чему-то единственно понятному и родному в этой черной, враждебной ночи. Добежав до зарослей плакучей ивы, он спрятался в кустах. Одну руку мальчик прижимал к сердцу, чтобы оно не выпрыгнуло из груди, второй оперся о шершавый ствол дерева — и замер...

Тень Человека с кинжалом, казавшаяся огром-

ной из-за развевающегося за спиной плаща, промелькнула мимо — и застыла. Он прислушивался, медленно поворачивая голову. Луна осветила его темную маску с прорезями для глаз и вынутый из ножен кинжал. Без Козыря сжался в комок...

Словно что-то почувствовав, Человек с кинжалом сделал несколько шагов назад и снова остановился. Теперь он был всего в паре метров от мальчика. Он стоял неподвижно, зная, что беглец недалеко и рано или поздно обнаружит себя. А Без Козыря понимал — это конец. Он не выдержит этого поединка нервов. Мальчик подумал о маме, об отце, который, конечно же, нашел бы выход из этой ситуации...

И вдруг он поскользнулся на мокрой земле! Из-под его ноги выскочил камешек, покатился вниз и с шумом упал в воду, разорвав тишину. Человек с кинжалом быстро обернулся. Без Козыря метнулся в вересковые заросли и, почувствовав твердую почву под ногами, побежал изо всех сил — но тут же зацепился ногой за корень дерева и рухнул навзничь. Успев еще почувствовать ужасную боль в голове, он потерял сознание.

Рядом кто-то тихонько стонал... кажется, это был он сам. Без Козыря открыл глаза. Сильно болела голова. Дотронувшись, мальчик понял, что она забинтована.

— Как дела?

Что это за голос? Кто здесь? Без Козыря собрал все силы и закричал:

— Не трогайте меня!

— Не бойтесь, это я, Руайер.— Владелец Ла Шенэ наклонился над мальчиком.— Вы узнаете меня?

— Да, конечно. Я что, ранен?

— Скорее немного оглушены. Но это пройдет.

— Который час?

— Около полуночи.

— А... он?

— Тихо. Мы оба пленники. Мы на «Мельнице висельника».

Без Козыря понемногу приходил в себя. Он сел. Вот и старый диван, стол, люк в полу — все это он видел через щель в ставне. Комната была очень большой и пыльной. В полу не хватало одной доски. Между двумя окнами на табуретке стоял электрический фонарь. Он был направлен в потолок, и казалось, что свет в этой странной комнате тоже оказался пленником...

— Это он меня ударил?

— Я не знаю. Вас просто втолкнули в комнату

через люк, и все. Это я поднял вас, положил на диван, перевязал голову своим носовым платком. Не волнуйтесь, у вас только шишка на лбу и небольшая царапина. Но как вы сюда добрались?

— С помощью Бланшетты.

И Без Козыря рассказал хозяину замка обо всем, что случилось после приезда в Ла Шенэ.

— Значит,— воскликнул Руайер,— моя бедная кобылка до сих пор на привязи, голодная, уставшая!..

Он был потрясен. Похоже, что судьба Бланшетты волновала его больше, чем своя собственная.

— Бедное животное,— повторял он.— Бедное животное... Что она должна обо мне думать? Она привыкла, чтобы за ней ухаживали.

И Руайер в полном расстройстве рухнул на диван.

— Это настоящее чудовище,— прошептал он.— Он не остановится ни перед чем. Ах, зачем вы-то полезли в пасть этому тигру?!

— Чего же он хочет?

— Чего? Всего! Он хочет уничтожить меня! Он заберет все мое состояние, а если я буду сопротивляться, то и жизни! Это безжалостный враг, он подстерегал меня уже давно. Если бы я знал, с кем имею дело! Он переоделся в Человека с кинжалом, чтобы помучить меня и чтобы я не увидел его лица. Бывают моменты, когда я совсем теряю голову... Я пришел к выводу, что это кошмарная личность. Как будто бы тот портрет имеет живого двойника...— Руайер помолчал, погрузившись в горькие размышления.— Я должен был послушаться вашего отца,— продолжал он наконец.— Но мне и в голову не приходило, что на меня могут напасть!.. Несколько дней назад я возобновил свои прогулки. Мне необходим свежий воздух, а кроме

того, я так люблю ездить в коляске! Это пробуждает во мне чудесные воспоминания... А Бланшетта знает мои вкусы. Она выбирает самые уединенные уголки, которые оказываются и самыми прекрасными. Это она открыла эту мельницу. При свете дня это место удивительно живописно! Вчера я сказал ей: «Мы едем на мельницу», — и она привезла меня сюда. Я вышел из коляски и немного побродил, раздумывая, не купить ли мне эту землю. Все равно на нее никто не претендует, а я мог бы отреставрировать мельницу и сделать из нее уютный уголок... И когда я строил эти планы, кто-то вдруг ударил меня по затылку. Не сильно, скажу честно, но и такого удара было достаточно, чтобы я потерял сознание. Пришел в себя я уже здесь, на диване, а Человек с кинжалом стоял передо мной. Я пережил настоящее потрясение! Когда он заметил, что я пришел в сознание, он тут же исчез. Я оставался один больше часа, охваченный ужасом и совершенно не владея собой... Это была нервная реакция. Правда, потом я взял себя в руки и даже осмотрел помещение. Я открыл окно и попробовал, насколько крепки металлические прутья. Тогда этот тип заговорил со мной снизу, и, поверьте, его голос мог напугать даже самого храброго. Это был тот самый голос, который я слышал по телефону. «Закройте окно, — сказал он. — Я слышу ваши шаги. Если вы попытаетесь сбежать, то будете немедленно убиты. Вернитесь на диван». Разумеется, я подчинился. А через несколько минут крышка люка приоткрылась, и оттуда появился листок бумаги...

— Письмо?

— Да. Скорее, записка. Я запомнил ее содержание: «Вы обманули меня. Теперь я хочу деньги и картину. Отвечайте». Слово «и» было подчеркнуто три раза.

Без Козыря внимательно слушал рассказ Руайера. Он даже забыл о том, в каком положении находится сам, — так его увлекла необычность этого приключения.

— А потом? — спросил он.

— Потом, — отозвался Руайер, — я взял ручку и написал заглавными буквами одно слово «**НЕТ**». Я постучал, люк чуть-чуть приоткрылся, записка исчезла. Я приготовился к самому худшему. Но ничего не происходило; враг выжидал. Впрочем, возможно, не «враг», а «враги»: сколько их, я пока не выяснил... Я снова попытался встать и на цыпочках подойти к окну, но тут же услышал окрик: «Вернитесь немедленно на диван!» Я снова послушался. Это становилось невыносимым; ведь даже в тюрьме узникам разрешают ходить! И там нет ощущения, что за тобой все время наблюдают... Я был просто прикован к этому дивану — и в конце концов потерял терпение и снова сильно постучал в крышку люка. Появилась другая записка, в которой была та же фраза: «*Я хочу деньги и картину*». Как в прошлый раз, только еще более крупными буквами, я ответил: «**НЕТ**». Прошло время обеда. Меня мучила жажда и я был голоден, но люк больше не открывался. Видно, он решил умирить меня голодом... Что я мог сделать? Конечно, можно было бы броситься к окну, чтобы заставить противника появиться и показать свое лицо; но у меня не хватило бы сил выдержать эту схватку. Я стар, слаб, смерть не пугает меня после всего, что я пережил, но я ненавижу жестокость! С другой стороны, продолжая упорствовать, я обрекал себя на ужасный конец. Этот человек спешит, мой милый Франсуа. Он знает, что время работает против него.

— Я как раз это и хотел вам сказать! — вскричал Без Козыря. — Наверняка нас уже ищут!

— Тише! Он может подслушивать...

— Я уверен, папа заявил в полицию. Она прочешет весь район.

— Если бы вы лучше знали эти края, вы бы так не говорили. Во время войны здесь прятались партизаны, и немцы так и не смогли их найти. Здесь много укромных мест, и леса очень густые. Конечно, со временем полицейские доберутся до мельницы, но будет уже поздно... Если позволите, я закончу свой рассказ. Так вот, я обдумал, что могу предпринять, и пришел к выводу, что надо начать торговаться. И до вечера я играл с люком в своеобразную игру. *«Миллион и картину»*.— *«Нет. Картину и сто тысяч франков»*.— *«Восемьсот тысяч франков и картину»*.— *«Нет. Картина теперь стоит дороже. Сто пятьдесят тысяч франков»*.— *«Последнее слово: семьсот тысяч»*. По мере того как шла эта торговля, у меня появилась надежда, что с противником можно будет сговориться. Кроме того, признаюсь вам, дала себя знать моя прошлая профессия. Ведь всю свою жизнь я слегка хитрил, покупая и продавая предметы искусства... Я почти забыл, что, торгуясь с негодяем, ставлю на карту свою жизнь. Мой последний ответ был: *«Картина и двести тысяч»*. Новая записка: *«Картина и шестьсот тысяч»*. Я ответил: *«Нет»*. Молчание длилось почти час, а потом поступила записка с угрозой: *«Живым вы отсюда не выйдете»*. Я ответил: *«Мне это безразлично»*. Наступила критическая минута. В переговорах всегда бывает такой момент, когда надо стоять насмерть. И я стал ждать...

— А потом?

— Наступила ночь. Вдруг люк открылся, и появился Человек с кинжалом. В руке у него был фонарь — вот этот самый, который сейчас перед вами. Я подумал, что настал мой последний час... Мой

враг поставил фонарь на табуретку; видели бы вы, как фантастически он выглядел в лучах света, отражаемых потолком! Он сделал все, чтобы ошеломить меня. «Поговорим,— сказал он.— Похоже, вы не понимаете, что вы полностью в моей власти». Говорил он по-прежнему с ужасным итальянским акцентом, который при других обстоятельствах вызвал бы смех, но в данной ситуации, наоборот, придавал его словам угрожающее звучание. Я старался держаться изо всех сил. Я сказал ему: «Полагаю все же, что двухсот тысяч вполне достаточно». Сначала он разозлился, даже выругался, но потом внезапно изменил тон. «Господин Руайер,— сказал он,— вы забываете, что в прошлый раз вместе со своим приятелем обманули меня. А ведь я не какой-нибудь авантюрист; я — Человек с кинжалом!» Я пожал плечами. Он подошел ко мне и положил на стол пачку сигарет — видимо, это был своеобразный шаг к примирению. Затем он заговорил снова: «Я Человек с кинжалом. Настоящий. Я прошу у вас не выкуп, а цену моей свободы. Вот почему я повторяю: картина и шестьсот тысяч франков». Я ответил: «Нет», — и в этот момент мы слышали шум за окном.

— Это упала лестница,— вздохнул Без Козыря.

— Он кинулся к окну. В этот момент он оказался ко мне спиной, и, если бы мне было лет на двадцать меньше, я попытался бы убежать. Но в моем возрасте соображаешь медленно. А может быть, это просто способ оправдать покорность судьбе... В общем, я упустил свой шанс. А продолжение вы уже знаете.

У Без Козыря в глазах стояли слезы.

— Это моя вина,— прошептал он.— Это из-за меня вы оказались здесь. Если бы я не заменил содержимое чемодана...

— Вы же думали, что поступаете правильно,— мягко ответил хозяин Ла Шенэ.— Я не сержусь на вас, Франсуа. К тому же вы ведь тоже здесь. И это решающий фактор.

— Что значит — решающий фактор?

— Теперь я готов принять условия Человека с кинжалом. Я больше не имею права выбирать.

— Из-за меня? Никогда!

Руайер обнял Франсуа за плечи.

— Вы гордый мальчик, это похвально,— сказал он.— Но не забывайте, что с каждым часом риск для нас возрастает. Вы ведь понимаете, что убежать нам не удастся, помощь придет не скоро, а он ждать не станет. Для него вопрос стоит так: деньги или жизнь.

— Люди не могут быть такими злыми!

— Могут, Франсуа. Я тоже так думал, когда мне было столько же лет, как вам сейчас. Но жизненный опыт научил меня, что на свете есть много людей с кинжалами. Поэтому я должен вести себя так, чтобы этот человек не причинил вам зла.

— Шестьсот тысяч франков и картина! — вздохнул Без Козыря.

Руайер грустно улыбнулся.

— Бог с ними. По крайней мере я еще на что-то пригожусь...

— Вы прощаете меня?

— Дорогой Франсуа, вы мне нравитесь. Конечно, я вас прощаю. Не будем больше терять времени...

Руайер подошел к люку и несколько раз стукнул кулаком.

— Я согласен! — крикнул он.— Картина и деньги!

Приглушенный голос их тюремщика ответил:

— Я хочу поговорить с синьором Робьоном.

— С тобой! — удивился Руайер.

Это дружеское обращение на «ты» потрясло Без Козыря. Он склонился над люком.

— Вы трус! Вы бесчестный человек! Мой отец арестует вас!..

— Если вы будете продолжать,— отозвался голос,— я потребую больше.

Без Козыря сердито стукнул ногой в люк, и удар болью отозвался в забинтованной голове. Руайер делал ему знаки, полные отчаяния.

— Что вы от меня хотите? — пересилив себя, спросил Без Козыря.— Откуда вы знаете, кто я? Человек за дверью засмеялся.

— Я знаю все. Я знаю, например, что вы маленький глупый гордец. Вы станете моим посредником, это послужит вам уроком. Вы меня слушаете?

— Да.

— Хорошо. Тогда так: на рассвете вы вернетесь в коляске в Ла Шенэ и расскажете о моих условиях: картина и деньги. Но вы не выдадите им место, где я назначу вам встречу...

Без Козыря взглянул на хозяина замка и развел руками, показывая, что не знает, что делать. Руайер, тоже знаками, ответил, что надо соглашаться.

— Где мы встретимся? — спросил Без Козыря.

— Сначала поклянитесь.

— Клянусь.

— Клянитесь честью.

— Клянусь честью.

— Хорошо. Вы придете с картиной и деньгами в место под названием Со-де-Муан.

— Я не знаю этого места.

— Я объясню,— шепнул Руайер.

— Прекрасно! — усмехнулся их тюремщик.— Я рад, что мы понимаем друг друга. Так вот. Вы объясните синьору Робьону, где находится Со-де-

Муан. Там есть домик путевого обходчика. Деньги и картину надо оставить в нем.

— Когда?

— В пять часов вечера. Синьор Робьон должен прийти один. Домик расположен на открытом месте, и за ним будут наблюдать. Если синьор Робьон осмелится прийти не один, вы никогда больше не увидите Руайера. Если же вы будете следовать договоренности, то пленник будет освобожден через два часа после этого. Понятно?

— Да,— ответил Без Козыря.— Но как же я доберусь до этого места?

Наступила тишина. Потом заговорил Руайер.

— Вы позволите дать совет?

— Давайте. Слушаем вас.

— В Ла Шенэ сейчас находятся жандармы. Я предлагаю написать письмо, которое Франсуа передаст им. Я объясню им положение дел и сам попрошу не пытаться меня освободить. Я также предложу мсье Робьону подвезти своего сына, картину и деньги к Со-де-Муану.

Снова тишина.

— Вы ничем не рискуете,— снова заговорил Руайер,— ведь я остаюсь вашим пленником.

— Я не доверяю этому адвокату,— проворчал голос.— Он уже обманул меня однажды.

— Неправда!— не выдержал Без Козыря.— Это я...

Руайер закрыл ему рот рукой.

— Молчи!.. Послушайте, раз это место будет под наблюдением, вы легко сможете убедиться, что мэтр Робьон никого с собой не приведет.

— Нет,— раздраженно оборвал его голос.— Я настаиваю на своих условиях. Я согласен на письмо, но никто, кроме синьора Робьона, не должен приближаться к домику. Адвокат остановит

машину на опушке леса Ла Куртин, а дальше его сын пойдет пешком.

— Но это же далеко от Со-де-Муана! Почти два километра.

— Все, хватит болтать. Сейчас я передам вам лист бумаги. Отойдите в сторону.

Люк слегка приоткрылся, и на пол упал листок бумаги. Голос, еще более злобный, чем раньше, продолжал:

— Объясните отцу, что он должен ехать в направлении Ла Куртин по шоссе номер 237. И чтоб он не думал ехать по другой дороге, не то...

Крышка люка опустилась.

— Бедное мое дитя! — прошептал Руайер. — Я хотел бы избавить тебя от этого испытания. Какая ему разница, кто положит выкуп? Но нет, этот бандит хочет до конца воспользоваться своим преимуществом! Старик и ребенок! Естественно, жандармерия воздержится от вмешательства...

Руайер взял листок и начал писать, одновременно вслух читая написанное:

«Прошу вручить Франсуа Робьону портрет Человека с кинжалом и шестьсот тысяч франков. Возьмите эту сумму из денег, которые лежат в библиотеке. Бенуа и Леонард знают, где тайник. Расспрашивать Франсуа бесполезно, он дал клятву хранить тайну. Он должен будет оставить картину и деньги в пять часов вечера в условленном месте; после этого меня отпустят. Особенно важно, чтобы в дело не вмешивалась полиция; иначе моя жизнь окажется в серьезной опасности.

Мэтру Робьону разрешается сопровождать своего сына. Он должен ехать непременно по дороге номер 237 в направлении Озанса. На пятом пере-

крестке повернуть направо и проехать около шести километров. Справа будет проходить лесная дорога, которая приведет его в место, называемое Ла Куртин. Пусть остановится под деревьями и, не двигаясь с места, дожидается возвращения своего сына.

Прошу вас строго следовать этим указаниям. До сих пор со мной обращались хорошо. Подписываюсь...»

Руайер перечитал письмо и поморщился.

— Да, ну и почерк... нелегко им будет это прочесть.— Он встал на колени около люка.— Вот письмо.

Люк приоткрылся, и письмо забрали. Руайер, вздохнув, вернулся на диван.

— Бедный мой Франсуа! К счастью, приближается конец этого кошмара. Тебе не будет страшно? Скажи им, что тебе ничто не угрожает. Человек с кинжалом сдержит свое слово, это в его интересах. Если не пытаться его обмануть, он не опасен.

— Но кто же он? — спросил Без Козыря.— Я постоянно об этом думаю...

— И я тоже. Он весь мир, и он кто угодно. Именно это и сводит меня с ума! Я бы лучше владел собой, если бы у меня были хоть какие-то подозрения. Но передо мной тень... тень Человека с кинжалом, и я в растерянности. Если хорошенько подумать, то, наверное, это должен быть кто-то из тех, кого я знал раньше. Возможно, бывший клиент... В силу своей профессии я имел дело с людьми самого разного сорта, иногда даже с мошенниками.

Со стороны люка раздался какой-то шум, и голос произнес:

— Все нормально. Добавьте только, что деньги

я хочу получить в рюкзаке — в обычном туристическом рюкзаке.

— Почему именно в рюкзаке?

— Потому что руки у синьора Робьона должны быть свободными, чтобы нести картину.

— Но у меня нет рюкзака!

— Тогда синьор Робьон должен его купить.

Письмо скользнуло по полу к дивану. Руайер поднял его и дописал несколько слов.

— Он все предусмотрел, — вздохнул он.

— А теперь, — снова заговорил голос, — объясните синьору Робьону дорогу до Со-де-Муана.

— Это просто, — сказал Руайер. — Сразу после леса Ла Куртин дорога делает изгиб, и налево отходит узкая тропинка. По ней и надо идти. Эта тропинка идет вверх, выходит на плато, пересекает его и выводит в небольшую долину. Это и есть Со-де-Муан. Домик расположен именно там, заблудиться невозможно.

— Очень хорошо, — сказал голос. — Подъем в пять часов. Лошадь и коляска будут в сарае. Лошадь накормлена. А теперь спите, я сыт по горло вашей болтовней.

— Это хороший признак, — прошептал Руайер. — Если этот человек подумал о том, чтобы накормить Бланшетту, он не может быть настоящим злодеем... Ну что ж, надо спать. Но сначала покажи мне свой лоб. — Он снял повязку и осмотрел кровоподтек. — Замечательная шишка! Остальное в порядке. Можешь растянуться на диване, а я устроюсь на скамейке.

И Без Козыря, сломленный усталостью и волнениями, тотчас же уснул.

Он был разбужен грубыми ударами в пол. Руайер помог ему встать.

— Чувствуешь себя нормально? — спросил

он.— Или не очень? Главное, береги письмо. Помни, что я начинаю считать часы...

Люк с треском распахнулся, открыв первые ступеньки прочной деревянной лестницы.

— Теперь иди. Удачи тебе, малыш.

Руайер поцеловал мальчика в лоб и тихонько подтолкнул его к люку. Спустившись по лестнице, Без Козыря оказался в темной комнате. По сквозняку он понял, что дверь прямо напротив него. Сделав на ощупь несколько шагов, он оказался во дворе мельницы. Тишина! Человек с кинжалом был, конечно, поблизости. Без Козыря чувствовал себя словно под дулом пистолета.

Мальчик подошел к сараю. Бланшетта тряхнула гривой, приветствуя его. Мальчик взял лошадь под уздцы, довел до дороги и уселся в коляску.

— Но! Побыстрее, Бланшетта!

Но Бланшетта никогда не спешила; она любила путешествовать в свое удовольствие. Стоял легкий туман, листва была еще влажной от росы, мимо несколько раз зигзагом пробежал заяц... Без Козыря радостно вздохнул. Он здоров, цел, свободен, с ясной головой, он еще способен думать. Конечно, он возвращается в Ла Шенэ в нелегкое время, и это очень грустно. Но на этот раз Человек с кинжалом — хозяин положения, и нет никакой возможности дать ему отпор, не поставив под удар жизнь мсье Руайера...

Но в тот самый момент, когда среди деревьев мелькнула крыша Ла Шенэ, к Без Козыря пришло вдохновение. Есть один способ! Нужно только действовать тайно, не теряя ни минуты... Да, такого Человек с кинжалом не ожидает!

Несколько секунд Без Козыря приводил в порядок свои мысли и планы. Все получалось лучше некуда.

Ворота замка были открыты, и когда Бланшетта, въехав в поместье, перешла на мелкую рысь, Без Козыря уже улыбался.

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ

На лужайке перед дворцом стояли вертолет и несколько полицейских машин. Рядом Франсуа заметил отцовский автомобиль. «Прямо Комитет по приему! — усмехнулся про себя мальчик. — Что-то они сейчас мне скажут?..»

— Едут! — раздался чей-то голос.

К Без Козыря бросилось сразу несколько человек. Один полицейский, в каске и форменном мундире, взял Бланшетту под уздцы. Франсуа спрыгнул на землю.

— Жив-здоров? — спросил полицейский. — А где мсье Руайер?

За ним подошел мэтр Робьон в сопровождении капитана жандармерии. Адвокат взял сына за плечи, долго смотрел на него, потом улыбнулся, чтобы скрыть волнение, и прижал к себе.

— Пошли, дурачок, расскажешь нам, что с тобой случилось... — И тихо добавил: — Маме я сказал неправду. Потом объясню.

Через минуту Без Козыря уже сидел в библиотеке в окружении множества людей в полицейской форме, которые бомбардировали его вопросами. А в это время доктор Доден, ощупывая его голову, готовил компресс.

— Ужасно хочется кофе, — проговорил Без Козыря. — Ночка у меня выдалась беспокойная...

— Позовите Сесиль, — скомандовал капитан одному из своих людей, — и можете быть свободны.

Сначала Без Козыря рассказал, как ему при-

шла в голову мысль использовать Бланшетту для поисков мсье Руайера.

— Здорово! — воскликнул капитан. — Да ты смысленный мальчик.

Без Козыря заметил, что отцу этот комплимент не понравился. Однако Франсуа уверенно продолжал свой рассказ.

— Я нашел его в заброшенной мельнице с зарешеченными окнами. Это настоящая тюрьма. Она называется «Мельница висельника».

— Я знаю это место, — сказал доктор.

— Я тоже, — кивнул офицер. — Вот, глядите... — Он подошел к письменному столу, на котором была разложена подробная карта, и ткнул пальцем в какую-то точку. — Это километров семь по прямой. — Капитан обернулся к Без Козыря. — Дальше?

Мальчик рассказал, как нашел лестницу и заглянул в окно.

— И тогда я увидел Человека с кинжалом, он стерег мсье Руайера. Человек с кинжалом услышал шум и побежал к окну...

— Извините, — капитан удивленно поднял брови, — Человек с кинжалом? Вы хотите сказать — его портрет?

Без Козыря посмотрел на капитана, потом на отца. Лица их выражали одинаковое беспокойство.

— Нет, он живой, — проговорил мальчик. — Я сам видел, как он за мной погнался. Если бы я не убежал от него, у меня бы не было этой шишки!

— За тобой кто-то бежал? — переспросил адвокат.

— Да... он... Человек с кинжалом! Мне было так страшно... Я спускался с лестницы слишком быстро и в конце концов упал вместе с ней. А он открыл ставни, увидел меня... и бросился вдогонку.

— Ты хочешь сказать,— снова очень осторожно заговорил мэтр Робьон,— что человек, чей силуэт ты заметил, погнался за тобой?

— Да почему силуэт? Я прекрасно его видел! Он был в своей маске и красном плаще. Он даже вынул кинжал...

Адвокат что-то прошептал на ухо доктору. Тот сразу же отложил ножницы и бинт и снова начал ощупывать голову мальчика.

— Скажите, мой милый Франсуа, вам здесь не больно? А здесь?

— Да нет же! — закричал Без Козыря. — Я ничего не придумываю! Уверяю вас, что тот тип на мельнице был одет точно так же, как Человек с кинжалом!

— А потом что было? — спросил капитан.

— Потом я споткнулся и упал. Наверное, головой ударился о камень... А пришел в себя только в комнате, где был заперт мсье Руайер.

— Значит, вы всю ночь наблюдали этого передетого типа?

— Нет, я его не видел. Он разговаривал с нами через люк.

Внезапно Без Козыря понял, что каждая его фраза оборачивается против него. Чем дальше он рассказывает, тем больше вся эта история похожа на бред сумасшедшего... А время шло. Было уже больше семи часов.

— Ну поверьте мне! — умолял он. — К тому же у меня для вас есть письмо. Настоящее письмо от мсье Руайера!

Мальчик порывлся в кармане, достал листок и протянул его капитану. Тот пробежал письмо глазами и передал мэтру Робьону.

— Читать трудновато, — заметил капитан.

— Там было плохо видно, и, кроме того, у мсье Руайера немного дрожали руки.

Сесиль принесла поднос и чашки. Мэтр Робьон показал ей листок.

— Как вы думаете, это письмо написано рукой мсье Руайера?

Сесиль подошла к окну и стала читать, шевеля губами.

— Я не очень узнаю почерк...

— И все-таки это он писал,— уверенно заявил Без Козыря.— Кто же еще? Ведь не я же!

Капитан отвел адвоката и доктора в угол библиотеки, и между ними началась оживленная дискуссия. До Без Козыря доносились только обрывки фраз.

— У меня бывали подобные случаи,— говорил капитан.

— Уверяю вас... мой сын...— отвечал ему адвокат.

Без Козыря выпил чашку кофе, но к бутербродам не притронулся. Все пропало, ему не верят... К нему подошел мэтр Робьон.

— Послушай, Франсуа, я тебя не первый день знаю и склонен тебе доверять. Ты действительно видел кого-то, одетого, как Человек с кинжалом?

— Да. А потом я его даже слышал. Он бегло говорит по-французски, но у него сильный итальянский акцент—или, может быть, он его специально имитирует. Он заставил меня поклясться, что я не выдам вам место, где должен положить картину и деньги. Честное слово!

Мэтр Робьон повернулся к капитану, призывая его в свидетели.

— Но вы ведь понимаете,— проворчал капитан,— что история, рассказанная вашим сыном, совершенно неправдоподобна? Дети иногда рассказывают невесть что — только для того, чтобы избежать наказания. Я готов был прочесать весь район

в поисках мсье Руайера — и вдруг появляется это письмо, в котором нас призывают сидеть сложа руки. Поставьте себя на мое место!

— Да, но откуда Франсуа мог взять эти детали: шоссе номер 237, лес Ла Куртин?..

Без Козыря все время поглядывал на часы, стоявшие на письменном столе. Половина восьмого. Каждая потерянная минута угрожала сорвать выполнение его плана...

— Я могу доказать, что не лгу. Давайте съездим на мельницу. Конечно, там уже никого нет, но, возможно, остались какие-то следы...

— Именно это я и намерен сделать, — решительно заявил капитан.

Мэтр Робьон повернулся к доктору Додену.

— Как вы считаете, мой сын может ехать с нами?

— Конечно. Франсуа крепкий мальчик, он уже вполне оправился.

Капитан и двое жандармов сели в полицейскую машину, а Без Козыря устроился в машине отца. Кorteж тут же тронулся с места.

Мэтр Робьон обнял сына одной рукой.

— Ну что, доволен, что попал-таки в приключение? У нас с тобой еще будет серьезный разговор. Ведь ты толкнул меня на обман.

— Я?

— Да, ты. Вчера вечером твоя мать была в отчаянии, и мне пришлось отвезти ее в гостиницу. Потом я заехал в жандармерию, а вернувшись в Ла Шенэ, позвонил маме и сказал, что ты вернулся и заночуешь в замке. Из-за тебя я последнее время вынужден лгать...

— Но что бы вы без меня делали?! — воскликнул Без Козыря. — Признайся, что, если бы я не вмешался, мсье Руайер никогда бы не уступил. А жандармы, несмотря на все свое оружие, рации и

собак, все равно не успели бы найти его живым. Ты согласен?

— Боюсь, что здесь не все так просто,— вздохнул адвокат.

Головная машина спустилась в лощину и поехала по дороге, которую Франсуа сразу узнал. Вскоре показалась мельница. Машины остановились, и все вышли.

— Вот сарай, где я взял лестницу,— объяснял Без Козыря.— Сегодня утром я вышел через эту дверь. Слышите шум воды? Теперь можете убедиться, что все, что я вам говорил, правда!

— Давайте зайдем,— предложил капитан.

Он вошел первым и сразу заметил открытый люк в потолке.

— Тот человек прятался здесь,— продолжал Без Козыря.— Он приоткрывал крышку люка ровно настолько, чтобы просунуть письмо.

Капитан молчал, но его сомнения в правдивости мальчика постепенно улетучивались. Офицер поднялся на второй этаж, подошел к одному из окон, резко распахнул его — и вдруг вскрикнул. Мэтр Робьон и Без Козыря мигом взлетели по лестнице. Капитан стоял у стола и показывал на что-то пальцем.

— Смотрите!

В крышку стола был воткнут кинжал. Он придерживал листок бумаги. Капитан обернул платком рукоятку кинжала и выдернул его. На листке бумаги стояло всего несколько слов:

«Последний срок: пять часов».

Капитан пробормотал:

— Да, здесь они и скрывались; а эта бумага подтверждает, что они ждали нашего визита. Вы оказались правы, молодой человек. Но спрашивается, зачем весь этот маскарад?

— Для того, чтобы произвести впечатление на мсье Руайера, у которого явно сдают нервы,— ото-звался адвокат.

— На всякий случай я все же отошлю эту бумагу и кинжал в лабораторию. Хотя сомневаюсь, что будет результат... Посмотрим, нет ли других следов.

Без Козыря с волнением рассматривал старый диван и скамейку. Вниз он спустился последним.

Посещение мельницы не дало ничего нового и завершилось всеобщим примирением около двух машин, стоящих во дворе. Что же делать? Прежде всего — хранить тайну.

— К счастью, мы пока не дали в газеты информацию об исчезновении мсье Руайера, а то от репортеров бы проходу не было... Мы должны хранить полное молчание до сегодняшнего вечера, то есть до того момента, когда мсье Руайер будет освобожден. Я уезжаю и забираю с собой технику и людей,— сказал капитан.

— Значит, вы обещаете не вмешиваться? — уточнил мэтр Робьон.

— Конечно, обещаю. Это было бы слишком рискованно... У нас нет выбора. Сейчас наша задача — передать деньги и картину, но как только мсье Руайер вернется в замок, мы организуем грандиозную облаву на преступников. Верьте мне, за этим дело не станет!

— Так где, говоришь, ты должен передать выкуп? — спросил адвокат так небрежно, что Без Козыря чуть было не ответил: в Со-де-Муане. К счастью, он вовремя сдержался.

— Я не могу этого сказать. Я дал клятву.

— Но послушай! — воскликнул мэтр Робьон. — Я тоже не могу отпустить тебя одного, это опасно!

Между ними завязался спор. Капитан считал, что особого риска нет.

— А я считаю, что есть! — возразил мэтр Робьон. — Мсье Руайера он отпустит, тут я с вами согласен. Но если вдруг бандиты решат оставить Франсуа в заложниках, чтобы обезопасить свой отход? Они могут даже попытаться выехать за границу, прикрываясь им!

— Нет, они на это не пойдут. Не забывайте — их интересуют только деньги. Как только бандиты получают выкуп, они тут же скроются в надежном месте, пережидая облаву.

— Я прошу дать мне время подумать, — сказал адвокат. — Сейчас ведь только девять утра.

Без Козыря побледнел. Девять часов! У него почти не остается времени...

— Сейчас мы вернемся в Шатель-Гюйон, — продолжал адвокат. — Я буду держать вас в курсе дела. Но если бы вы одолжили мне вашу карту, то оказали бы большую услугу.

— Нет ничего проще. У нас их много.

Капитан достал карту и расстелил ее на капоте машины адвоката.

— Видите? Шоссе номер 237 проходит к северу от Ла Шенэ, вот здесь. А вот тут, справа, находится Ла Куртин. Через несколько сотен метров от шоссе начинается плато, которое нависает над маленьким водопадом. Вот оно, видите, здесь. Место они выбрали неплохое: туристов здесь почти не бывает.

— Но почему они настаивают на этом шоссе? — рассуждал адвокат, склонившись над картой. — Я мог бы проехать в Ла Куртин и по другой дороге...

— Наверное, расставят на шоссе шпионов. А может быть, они просто хотят нагнать на вас страху. Кто знает?

Нахмурившись, мэтр Робьон свернул карту и засунул ее в карман. Потом он пожал руку капи-

тану и двум жандармам, открыл дверцу машины и бросил:

— Садитесь!

Тон, которым это было сказано, не предвещал ничего хорошего.

— Поверьте, никакого риска! — прокричал капитан, когда машина уже трогалась с места. — Подумайте, ведь у нас нет выбора...

— Легко ему говорить, — проворчал мэтр Робьон. — Ведь ты же не его сын!

Через какое-то мгновение, словно в ответ отцу, Без Козыря прошептал:

— Я вынужден был поклясться...

Адвокат больше не разжимал губ. Он вел машину с бешеной скоростью, и вскоре они подъехали к гостинице. Была уже половина десятого. До встречи оставалось немногим более семи часов. Даже меньше! Ведь еще надо будет заехать в Ла Шенэ, взять выкуп за картину, затем добраться до Ла Куртин, оттуда пешком дойти до Со-де-Муана. Руайер говорил, что там идти около двух километров. Значит, у Франсуа оставалось не более шести часов. Неужели ему не хватит какого-то получаса? Как глупо!..

Мадам Робьон тут же заметила шишку.

— Ты меня просто убиваешь, Франсуа!

— Да ну, мама, ерунда. Я решил прогуляться в коляске, а Бланшетта завезла меня в лес. А я не умею править лошадьми. Решил спрыгнуть на землю — и упал. А лошадь пустилась в галоп, так что мне пришлось возвращаться пешком. Когда я пришел, папа уже отвез тебя в гостиницу, так что пришлось мне переночевать в Ла Шенэ. Вот и все!

— И ты, конечно, счастлив и горд, что принимаешь участие в расследовании! Тебя же хлебом не корми, дай раскрыть какую-нибудь тайну... Ох, скорей бы все это кончилось. Я почти не вижу

твоего отца, да и ты пользуешься любой возможностью, чтобы выкинуть какую-нибудь штуку. Если бы я знала, что все так получится, я бы поехала на воды одна... Наверняка это еще не последний твой сюрприз!

Без Козыря покраснел. Что значит материнская интуиция! Он кинулся матери на шею; мадам Робьон сначала сердито отбивалась, но потом смягчилась.

— Когда ты меня обнимаешь, — сказала она, — значит, дело нечисто... Поклянись, что ничего от меня не скрываешь!

О нет! Хватит клятв! Без Козыря был уже сыт ими по горло.

— Я пойду приму ванну, — ушел он от ответа. — До скорого!

Выходя, он заметил отца, который звонил по телефону. Уже без десяти десять. Нельзя терять ни минуты! Мальчик схватил свою камеру и помчался через парк. К счастью, покупателей в магазине фотопринадлежностей не было.

— Можно вмонтировать в мою камеру дистанционное управление?

Без Козыря нарисовал на листке бумаги устройство, которое придумал. К счастью, продавец обожал всякие самоделки.

— Что ж, попробуем, хотя работы будет немало. Сейчас я занят, но дня через три смогу заняться вашей камерой.

— Через три дня? Но мне нужно сегодня к обеду!

— Это совершенно невозможно!

Без Козыря чуть не расплакался.

— Хотите снимать диких животных? — улыбнулся продавец.

— Да, — кивнул Без Козыря. — Точнее, птиц. Но мы скоро уезжаем...

— Я вас понимаю. У меня тоже страсть к животным... Послушайте, я могу одолжить вам мою камеру. Она приспособлена для такого вида съемок. Хотите?

Продавец принес камеру и объяснил, как она действует. Без Козыря был так взволнован, что ног под собой не чуял. На сей раз Человек с кинжалом от него не уйдет.

Мальчика буквально распирало от радости. Теперь он уже не спешил! В магазине, где продавались принадлежности для рыбной ловли, он приобрел нейлоновую леску; потом зашел на рынок и купил большую сумку со множеством карманов. Теперь оставалось главное: суметь убедить мэтра Робьона строго соблюдать условия, изложенные в письме.

Без Козыря вернулся в свою комнату, принял душ и успел еще до обеда проверить свой велосипед. Скоро он ему понадобится...

За столом адвокат ни слова не сказал о предстоящей поездке, но было заметно, что он озабочен.

— Нам придется вернуться в Ла Шенэ. Полиция нашла след, и мы можем им понадобиться. Не беспокойся, это дело займет не более одного-двух часов.

Как только мадам Робьон вышла из ресторана, отец отвел Без Козыря в сторонку.

— Ну что, будешь и дальше молчать?

— Папа, ты же знаешь, что мне запретили говорить.

— А это далеко от того места, где я должен буду ждать тебя с машиной?

— Нет, не очень. Мсье Руайер мне все объяснил.

— Мсье Руайер уговаривал тебя согласиться? Значит, он доверяет этому человеку?

— Да. Он не сомневался в правдивости Человека с кинжалом.

— Господи! Да прекрати ты наконец называть этого негодяя Человеком с кинжалом! Это же бред!.. Скажи, тебе страшно?

— Мне? Ничуть!

— А если бы на твоём месте оказался я, это что-то изменило бы? Я обсудил с капитаном этот вариант: он считает, что бандиты будут держаться на порядочном расстоянии от условленного места и подойдут поближе только после того, как ты уйдёшь.

— Папа, отпусти меня.

— Ладно! Но я даю тебе на все про все один час. Если через час ты не вернешься, полиция оцепит все вокруг. Мы с капитаном так решили.— Мэтр Робьон положил руку на плечо сына.— Не нравится мне все это, Франсуа. Роль свидетеля в таком деле мне не подходит... Обещаешь, что будёшь осторожен?

— Конечно, папа.

— Только ничего не придумывай нового! Ты уходишь, ты возвращаешься, и это все.

— Я так и поступлю.

— Не забудь, что полиция все равно рано или поздно их схватит. Мы с тобой должны ограничиться только ролью посредников. Мы нейтральны, вбей себе это в голову!

— Хорошо. Мы нейтральны.

Адвокат посмотрел на часы.

— Пора!

Они приехали в Ла Шенэ, где царил прежний покой. Бенуа и Леонард тщательно упаковали картину. Пересчитав пачки банкнот, адвокат сложил их в рюкзак. Затем оба свертка перекочевали в багажник машины мэтра Робьона. Без Козыря прикрыл свою камеру какими-то тряпками, и адво-

кат ее не заметил. Ровно в четыре часа они тронулись в Ла Куртин.

«Я выиграю эту последнюю партию!» — подумал Без Козыря.

НЕВЕРОЯТНОЕ ОТКРЫТИЕ

Четыре часа тридцать минут. Машина останавливается в месте, указанном Человеком с кинжалом. Вот и тропинка, о которой шла речь. Она поднимается к хребту, хорошо видимому на фоне облаков. Справа на многие километры простирается лес; слева виден овраг, по дну которого течет ручей.

— Место выбрано неплохо, — говорит адвокат. — Я-то надеялся, что смогу видеть тебя... Но это невозможно, они все предусмотрели.

Без Козыря спешит открыть багажник. Засунув камеру в один из карманов рюкзака, он выпрямляется. Все, он готов, можно отправляться. Мэтр Робьон ничего не заметил: он доставал картину.

— Неси ее за веревочку, иначе тебе будет неудобно идти. Хорошо, что деньги в рюкзаке. Да, они действительно предусмотрели все...

«Кроме моей камеры», — думает Без Козыря.

— Запомни: не позднее чем через час, — напоминает мэтр Робьон, которому никак не удастся скрыть волнение. — А теперь уходи, быстро!

— Папа, со мной ничего не случится, ты же знаешь!

— Да-да! Но я не успокоюсь, пока ты не вернешься. Иди же! Не теряй времени.

Без Козыря уходит. По дороге он оглядывается — один раз, потом второй. Отец, закулив, нервно меряет опушку шагами. А Без Козыря скрывается

за хребтом. Здесь он уже совсем один. Кругом только чертополох и ветер. Ручей, натываясь на скалистые края оврага, гудит, как контрабас. Без Козыря идет быстрым шагом, сгорбившись под тяжестью выкупа. Этот момент он не забудет никогда! Время от времени он останавливается, потому что «Человек с кинжалом» довольно тяжел. Это его форма сопротивления: он старается затруднить путь мальчика. Без Козыря подтягивает рюкзак чуть повыше и перехватывает картину в другую руку.

Прошло уже четверть часа. Франсуа напоминает себе нагруженного вещами туриста, который опаздывает на поезд. Впереди по-прежнему не видно никакого домишки. Но он не мог ошибиться, он точно помнил все указания, данные ему Руайером.

Новая остановка. Куда ни взглянешь, вокруг леса и горы. Царство летней тишины, нарушаемой лишь легким шепотом листвы...

— Вперед! — шепчет себе Без Козыря и снова засовывает под веревку свои горящие пальцы.

«Человек с кинжалом» упирается, тянет назад... Вдруг тропинка резко поворачивает. Впереди плато, по нему змейкой вьется ущелье, на дне которого виднеется хижина, наполовину скрытая стволом засохшего дерева. Без Козыря оглядывается. Еще светло, и это место не внушает ему страха, но и доверия не вызывает. Не прячутся ли бандиты в хижине? Мальчик начинает осторожно спускаться вниз.

— Есть кто-нибудь? — кричит он.

Тишина. Без Козыря приближается, прислоняет картину к стволу дерева, опускает на землю рюкзак. Хижина очень старая. Молния, ударившая в дерево, попала также и в дощатую крышу, та наполовину обвалилась. Дверь полуоткрыта.

Без Козыря толкает ее, она скрипит — и вот он внутри.

Хижина пуста. В центре ее три черных камня обозначают место, где когда-то находился очаг. Жужжат встревоженные мухи. Без Козыря не испытывает больше страха. Он вносит картину, бережно кладет ее в уголке, потом, предварительно вынув камеру, оставляет рюкзак рядом с картиной.

Мальчик выходит из хижины, осматривается. Нет, его точно никто не видит. Он делает шаг назад, поднимает камеру, наводит ее на дерево и начинает снимать. Лента медленно крутится, и наконец в кадр попадает хижина. Без Козыря выбирает другой ракурс и снова снимает. Лес, склон оврага, спускающийся к хижине... Теперь у него есть неопровержимый документальный материал, но мальчик не намерен на этом останавливаться. Все это — только пролог, введение, а теперь надо заснять главное действующее лицо — либо его сообщника, который явится за выкупом.

Мертвый дуб самой судьбой поставлен на это место. Без Козыря внимательно рассматривает мощный ствол, растрескавшийся от времени и ненастья, выбирает одну трещину, которую считает наиболее подходящей, засовывает в нее камеру. Потом с помощью лески, протянув ее от камеры к двери, проверяет точность наведения объектива. Оказалось, что камера установлена не лучшим образом. Поработав еще немного, мальчик добивается нужного положения.

Теперь надо заняться самой тонкой работой. Затаив дыхание, Без Козыря привязывает к кнопке спуска конец лески. Малейшее ее натяжение должно запустить мотор камеры. Потом мальчик пропускает леску по ветке дерева, нависшей над крышей хижины, и прикрепляет ее к гвоздю, вбитому в верхнюю часть двери. Как только леска на-

тянется, срабатывает спуск, и камера заработает.

Без Козыря удовлетворенно улыбается. Дело сделано. Леску совершенно невозможно заметить. Мальчик еще раз все проверяет, включает камеру и прислушивается.

Звук настолько тихий, что, если не знать, услышать его невозможно. Он сливается с жужжанием насекомых и далеким гулом реки. Без Козыря встает перед камерой, улыбается в объектив и объявляет, словно ассистент режиссера на съемочной площадке:

— «Тайна Человека с кинжалом». Дубль первый.

Затем выключает камеру. Ну разве он не молодец? Один, без посторонней помощи — проще говоря, без единого козыря на руках — он нашел-таки способ разоблачить своего противника... Без Козыря прикрывает дверь. Западня готова! Последний придирчивый взгляд художника на свое произведение, и он уходит.

Хижина вновь приобрела унылый вид. Со стороны казалось, что ее совсем придавило склонившееся над ней мощное дерево. А Без Козыря бодро шагал своей дорогой. Перейдя через хребет, он сцепил руки над головой и потряс ими, как делают спортсмены-победители, — мол, не волнуйся, папа, все в порядке. Если бы Франсуа не сдерживал себя, он бы выкинул еще серию пируэтов и прыжков.

— Что с тобой? — удивился мэтр Робьон. — Я никогда не видел тебя таким возбужденным.

— Я рад, что покончил с этим делом.

Адвокат вздохнул.

— Да, но преступники получили деньги и картину...

И все же было видно, что у мэтра Робьона тоже гора с плеч свалилась.

Адвокат тронул машину с места, и они пустились в обратный путь.

— Я оставил картину и деньги в старой хижине, — рассказывал Без Козыря. — Кругом не было ни души.

Адвокат слушал сына молча. Потом сказал:

— И все же полиция еще скажет свое слово. Как только вор сделает попытку продать картину, его тут же поймают. Правда, это, наверное, произойдет не скоро, потому что у него есть выкуп и он может долго жить на эти деньги... Жаль мне бедного мсье Руайера. У него и до этого было не в порядке с головой...

— А может, вора быстро найдут!

— Не говори глупостей. Конечно, это было бы прекрасно, но шансы невелики. Я бы сказал: один на тысячу.

Без Козыря слушал отца, и радость его блекла, а надежда угасала. А вдруг камера не заработает? Или преступники ее обнаружат? В лучшем случае камера даст изображение бандита, но ведь это еще не все! Сколько было случаев, когда полиция, имея фотографию преступника, так и не смогла его поймать... Да, партия пока не выиграна! Шатель-Гюйон показался Без Козыря совсем скучным. Есть ему абсолютно не хотелось, зато очень хотелось спать. Но делать было нечего — пришлось сесть за стол и делать вид, что ничего не случилось. А мэтр Робьон был совершенно спокоен; он даже поужинал с большим аппетитом. Франсуа восхищался самообладанием отца. Будет ли когда-нибудь и у него такой же сильный характер?..

— Есть новости о господине Руайере? — спросила мадам Робьон.

— Пока нет, но я жду их с минуты на минуту. Я только что звонил в жандармерию; они обещали

перезвонить. Выкуп передан, так что мсье Руайера должны освободить.

— А кто передал выкуп?

Мэтр Робьон подозвал официантку и попросил принести горчицу.

— Кто передал? — рассеянно повторил он. — Очевидно, кто-то из слуг...

Без Козыря упорно глядел в свою тарелку.

— Я много думала об этом деле, — сказала мадам Робьон. — Эти истории с похищениями просто ужасны! И вдруг одна из них произошла прямо рядом с нами. Знаешь, я боюсь за тебя, Франсуа. Теперь стало опасно занимать видное положение. Похищают как самих известных деятелей, так и их детей. Ты слушаешь меня, Франсуа? Веди себя осторожно и не вступай в разговоры с неизвестными людьми...

Слушая мать, Без Козыря вспоминал мельницу и человека в красном плаще, гнавшегося за ним по берегу реки.

— Хорошо, мама, — прошептал он.

Тут, к счастью, подошел метрдотель и позвал мсье Робьона к телефону.

— Может, это из жандармерии? — встрепенулась мадам Робьон.

На радостях, что мама оставила свои нравоучения, Без Козыря схватил корзину с хлебом — и при этом опрокинул стакан вина.

— Франсуа, что ты делаешь! На нас все смотрят.

Прибежала официантка и принялась промокать скатерть.

— Винные пятна надо посыпать солью, — сказала мадам Робьон, у которой была в запасе тысяча рецептов на все случаи жизни.

Без Козыря побагровел. Почему рядом с матерью он всегда чувствует себя нескладным под-

ростком? Всего лишь несколько часов тому назад он преследовал преступников, а сейчас не знает куда девать глаза из-за какой-то испачканной ска-терти. Ах, скорее бы кончилось это противное детство!

— Все в порядке,— объявил мэтр Робьон невозмутимо, как всегда.— Примерно час назад его подобрал возле Озанса один автомобилист. Руайер голосовал на дороге. Сейчас он уже дома. Кажется, он очень устал, и доктор Доден на некоторое время запретил посещения. Что это у вас здесь за кровавые потоки?

— У Франсуа упал стакан,— объяснила мадам Робьон.— Ты же знаешь, вещи его недолюбливают.

Но адвокат ее не слушал. Он продолжал:

— Честно говоря, я рад, что с этим покончено. В делах подобного рода до последнего момента неясно, чего следует опасаться.

— Руайер должен быть тебе благодарен,— простодушно заметила мадам Робьон.— Последние две недели ты только им и занимаешься...

— Можно мне уйти? — прервал ее Без Козыря.— Я ужасно хочу спать!

Мэтр Робьон бросил на него взгляд заговорщика.

— Выпись хорошенько,— сказал он.— И старайся не думать больше о Человеке с кинжалом. На этот раз с ним покончено.

О нет, с ним еще не покончено! Без Козыря не мог пока открыть отцу свой секрет — сначала надо забрать камеру. Ох, как он устал! Но завтра... завтра... У него едва хватило сил раздеться.

Франсуа встал рано и сразу же оседлал велосипед. Чувствовал он себя так, будто заново родился! Все сомнения предыдущего дня рассеялись. Солнце встает, поют птицы — и все это для него! А главное — то, что камера наверняка сработала. Вот

это будет улов! На пленке будет много интересного, и в центре всего станет биться, как пойманная рыба, сам Человек с кинжалом.

Без Козыря принялся насвистывать. Он въехал в лес, но теперь ему не страшно: лес — его друг, у него нет секретов от мальчика. Вот дорогу перебежала белка. Привет, белка! Две сороки вспорхнули из-под колес велосипеда. Салют, сороки! А потом послышался шум того суматошного ручейка. Значит, цель уже близка... Тропинка ужасно неровная, и Без Козыря приходится изо всех сил жать на педали. Смелее! Еще пара минут, и он уже видит в овраге хижину, окутанную утренним туманом.

Без Козыря прячет в траве велосипед и, не вытирая мокрых от росы рук, спускается по склону вниз. Победа! Камера выглядывает из трещины в дереве. Мальчик осторожно вынимает ее, обрывает леску — теперь она уже не нужна. И тут вдруг в голову ему приходит мысль, от которой Франсуа будто холодным душем обдает. А что, если преступники пришли, когда уже стемнело? Ведь тогда на пленке ничего не будет видно. Без Козыря нахмурился. Отцу позвонили из жандармерии около восьми. Руайер был освобожден часом раньше — значит, в семь. Картину и рюкзак забрали, видимо, около шести. В шесть часов света еще достаточно. Должно получиться...

Франсуа сел на велосипед и не спеша вернулся в гостиницу. Самые ранние пациенты уже потянулись к источникам. Без Козыря разделся и целый час блаженно дремал. А рядом с ним на стуле, как рождественский подарок, лежала его камера. Интересно, какой вид будет у них у всех, когда он покажет свой фильм и они увидят на экране лицо вора? Вряд ли он ходил в хижину в маске... Да, это будет настоящий триумф!..

Наконец Без Козыря встал, заказал себе в номер обильный завтрак, а потом позвонил матери.

— Алло, мама? Все в порядке? Да, я спал прекрасно, только что проснулся. Мне надо заехать в магазин, а потом я найду тебя в парке. До скорого!

Лгун! Должен заехать в магазин! На самом деле ему нужно совсем в другое место, но зато как срочно! Настолько срочно, что Без Козыря подъехал к фотомагазину еще до открытия и в течение десяти минут рассматривал свадебные фотографии, выставленные в витрине. Наконец продавец открыл магазин.

— А, это вы? Ну что, пригодилась камера?

Без Козыря объяснил, что снял пробный фильм и хотел бы проявить его как можно быстрее, до того, как примется за другой, более важный.

— Вы все одинаковы,— улыбнулся продавец.— Вообще-то у меня очередь, но специально для вас я проявлю пленку побыстрее. Договоримся так: завтра к полудню.

Как долго ждать! Без Козыря был слегка разочарован. Он вернулся в парк, где его мать, устроившись в тенечке, вязала что-то бесформенное.

— Что это ты вяжешь? — поинтересовался Без Козыря, беря себе стул.

— Свитер для тебя. Похоже, это тебя не очень интересует?

— А, свитер...

— Ах ты, неблагодарный ребенок!

У Без Козыря для матери всегда наготове особая улыбка, которая моментально ее обезоруживает. Это помогло и на сей раз. Мама погладила его по голове.

— Ну что, милый, по-прежнему скучаешь? Через пять дней мы уезжаем в Бретань. Наберись терпения!

Пять дней — это ерунда. А вот как пережить один день, когда ждешь Великого События, которое поразит весь мир?..

А стрелки на часах, как назло, еле двигались. Обед длился целую вечность. Перед кофе вся семья перешла на террасу. Раздался телефонный звонок — мэтра Робьона. Это просто невыносимо — не знать, о чем они там говорят, что замышляют. Мэтр Робьон возвращается, с удовольствием допивает кофе, как всегда, не торопясь начать рассказ. К счастью, мадам Робьон сама задает вопрос:

— Кто это был?

— Доктор Доден. Руайер чувствует себя лучше и завтра после обеда ждет нас к себе. Он хочет поблагодарить Франсуа.— Повернувшись к сыну, адвокат добавляет: — Знаешь, он тебя почему-то очень любит.

Он говорит это с иронией. Мадам Робьон с удивлением смотрит на мужа.

— А что в этом странного? Ты ведь говорил, что он потерял сына, которому сейчас было бы пятнадцать.

— Я тоже его очень люблю,— твердо заявляет Без Козыря,— и намерен это доказать.

Кажется, он проговорился! Как трудно хранить секреты... Но родители, привыкшие к выразительному лексикону сына, даже не спросили, как именно он собирается доказывать свою любовь. Без Козыря это даже задело, но потом он понял — так лучше. Мальчик заявил родителям, что собирается в кино. После кино сразу будет ужин, затем по телевизору пойдет фильм «Дорога к звездам». Так пройдет время до ночи, а потом наступит день, когда он, как фокусник, откроет правду!..

А пока тянется и тянется все тот же вечер.

Но вот наконец и утро. Едва дождавшись полудня, Без Козыря побежал к фотографу. Пленка го-

това! Продавцу явно хотелось поболтать, но, к счастью для мальчика, в магазине было много клиентов.

— Вы можете заплатить завтра. Заодно скажете мне, довольны ли вы фильмом. У меня даже не было времени его посмотреть.

Без Козыря, конечно, рвался тут же посмотреть фильм, но, как назло, его позвали обедать. Зачем так много есть? И как медленно их обслуживают... Только в два часа они наконец встают из-за стола. Посмотреть фильм уже не успеть; у Без Козыря остаются считанные минуты, чтобы тайком засунуть в багажник экран и проектор. Что касается пленки, то он держит ее при себе. И вот наконец они уезжают. Момент истины приближается!..

Полицейская машина уже стоит во дворе замка; рядом с ней двое жандармов. Капитан и доктор Доден беседуют в библиотеке с господином Руайером. Хозяин дома еще немного бледен, но, кажется, в общем уже оправился. Он очень радостно улыбается Без Козыря и говорит мэтру Робьону:

— Своим спасением я обязан храбрости и сообразительности вашего сына. Я никогда этого не забуду.

Все садятся, и хозяин рассказывает, что произошло после отъезда Без Козыря.

— Человек с кинжалом вернулся. Он завязал мне глаза и повел вниз по лестнице. Затем он толкнул меня в машину, и мы долго куда-то ехали.

— Вы ничего не заметили, что помогло бы восстановить ваш путь? — спросил капитан.

— Нет. Я знаю только, что машину сильно трясло, из чего я сделал вывод, что мы ехали лесом. Это все.

— А сколько времени это длилось?

— Примерно час. Потом меня завели в какой-

то дом, где сильно пахло плесенью, — видно, там давно никто не живет. Я спустился по ступенькам; их было, кажется, десять. Затем Человек с кинжалом снял повязку с моих глаз.

— Как он был одет? — осведомился мэтр Робьон.

— На нем были длинный плащ и маска. Меня заперли в погребе. Через некоторое время какой-то человек, лица которого я не видел, оставил на верхней ступеньке поднос. — Руайер задумался, вспоминая, и через минуту продолжал: — Я немного поел — это была холодная курица — и выпил много воды; я умирал от жажды. А потом... Может, они добавили в воду снотворное? В общем, я уснул. В углу погреба было немного соломы. Позднее тот, которого я называю Человеком с кинжалом, разбудил меня и снова завязал мне глаза. Я понял, что скоро меня освободят. Мы опять долго ехали. Потом машина остановилась, меня вытащили из нее, приказали считать до ста и не двигаться с места. Затем машина отъехала. Конечно, я тут же сдернул повязку. Это было непросто: узел оказался довольно хитрым, — так что машину я уже не увидел. Я стоял на дороге, ведущей в Озанс.

— В Озанс? — переспросил капитан. — Это название всплывает довольно часто. Попробуем поискать с той стороны... Хотя, честно говоря, господин Руайер, надежды мало.

— Я тоже так думаю, — кивнул Руайер. — Это дело было тщательно продумано, и преступники, должно быть, уже далеко. Может быть, даже за границей — в Италии, Швейцарии или Испании. Им вполне хватило бы на это времени.

Без Козыря попросил слова. Он был ужасно взволнован.

— Может быть, я смогу вам помочь. Подожди-

те, пожалуйста, минуточку... Я сейчас вернусь.— Он сбегал к машине, принес экран, проектор и водрузил все это на стол в центре библиотеки.— Я покажу вам фильм, который проявил сегодня утром. Я сам его еще не видел, поэтому не знаю, стоит ли он чего-то. Но, думаю, он будет вам интересен.

Говоря все это, он развернул экран и подключил проектор. Адвокат нахмурил брови.

— Что это ты там делаешь? Знаешь, Франсуа, это уже слишком...

— Подожди, папа. Я сейчас тебе все объясню. Около хижины, в которой я оставил картину и деньги, стоит мертвое дерево. В его стволе я установил камеру и с помощью одного хитрого устройства заснял воров на пленку!

— Вот молодец! — воскликнул капитан.

Что касается Руайера, то он был так поражен, что буквально потерял дар речи. Робьон ошарашенно смотрел на сына. А Без Козыря был счастлив!

— Помогите мне затемнить комнату,— попросил он.

Капитан, как мальчишка, бросился закрывать ставни и задвигать шторы. А Без Козыря тем временем включил проектор... На экране появился бледный прямоугольник.

— Готовы? — спросил Франсуа.— Внимание! Пожалуйста, погасите свет... Спасибо.

Проектор зажужжал, по экрану запрыгали пятна, какие-то цифры... Потом появился мертвый дуб.

— Видите вон ту трещину? Там я оставил камеру,— комментировал Без Козыря.— А вот и хижина.

Изображение немного прыгало, но в общем все было в порядке. В перспективе видны были долины и кусочек неба.

— Сейчас вы увидите меня... Это была генеральная репетиция.

И вот на пороге появился Без Козыря. Вид у него довольный донельзя. Он приближается, заполняет собою весь экран...

— Здесь я остановил пленку.

Франсуа выключил камеру. Лица зрителей казались ему в темноте неясными бледными пятнами.

— Я должен дать некоторые пояснения,— проговорил он.— Камера была направлена на хижину и соединена с дверью почти невидимой леской. Как только кто-то вошел в дверь, камера должна была включиться. Сейчас мы увидим, кто это был...

Наступила мертвая тишина. Ошеломленные зрители затаили дыхание. На экране снова возник светлый квадрат, и вдруг в нем появился силуэт. Какое невезение! Человек шел спиной к камере. Вот он входит в хижину... Почти тотчас же на земле появляется еще одна тень, она медленно подходит к домику сбоку.

«Неужели тоже войдет?» — думал Без Козыря.

Так и есть, тень сгущается. Второй персонаж тоже появляется в кадре спиной к зрителям. Вот он останавливается, подносит руку ко рту, закуривает... Очень ясно видна спичка, которую он бросает через плечо. Потом и он исчезает в хижине.

— Это же надо такое придумать! — восхищенно прошептал капитан.— Но пока...

Он замолчал, потому что на экране возник третий силуэт, шире в плечах и ниже ростом. Крупным планом показалось его плечо. Человек проходит совсем близко от мертвого дерева и оборачивается, показывая знакомый профиль. Все одновременно выдохнули:

— Бенуа!

Это действительно Бенуа, слуга господина Ру-

айера. Одет он в темный плащ. Он оглядывается; губы его шевелятся. Видимо, он что-то говорит своим спутникам, на что-то им показывает. На мгновение он исчезает из кадра, уступая место другому персонажу, который идет прямо на камеру.

— Леонард!

Леонард выносит из дома рюкзак, победно потрясает им перед Бенуа и останавливается. А в дверном проеме заметно какое-то движение. И опять невезение! Выходит человек с картиной на плече, но лицо его полностью скрыто полотном. Он задерживается на пороге, чтобы удобнее ухватить картину, нагибается, ставит картину на землю и выпрямляется... Его лицо бьет с экрана, как вспышка молнии...

Без Козыря ошеломленно отступил назад. Нет! Это невозможно! Сам мсье Руайер!..

Никто в комнате не шевельнулся. Все молча продолжали смотреть на экран, словно ожидая чего-то. Тишина нарушалась только жужжанием проектора. Наконец кто-то зажег свет. Руайер, упершись локтями в колени и обхватив голову, смотрел в пол.

— Вы?! — выдохнул доктор Доден.

— Я, — шепотом ответил хозяин замка, не поднимая головы.

ЧЕЛОВЕК С КИНЖАЛОМ

Без Козыря был потрясен. Он даже забыл выключить свой проектор. Пришлось мэтру Робьону напомнить сыну, чтобы тот собрал аппаратуру.

— Вы понимаете, — проговорил капитан, — что мы имеем право потребовать от вас объяснений.

— Разумеется, — ответил Руайер. — Но вначале я должен заявить вам, что не так уж виноват, как

вам может показаться. Все дело в том, что мне стало смертельно скучно жить здесь. Я ничего не забыл и никогда не забуду, но у меня появилось желание начать все сначала, возобновить мою прежнюю деятельность, снова купить галерею в Париже и продавать картины — ведь когда-то это у меня неплохо получалось. Но мне были нужны деньги. У меня под рукой был «Человек с кинжалом» — картина, которая производила на всех сильнейшее впечатление. Вот я и решил использовать ее, чтобы раздобыть денег. И ведь это была неплохая идея; вспомните, это полотно даже вас сбило с толку! Ценность картины объясняется трагическими событиями, которые так или иначе были с ней связаны. Поэтому я подумал, что если произойдет еще что-то необыкновенное, цена ее удвоится и я смогу избавиться от этого источника моих несчастий. Скажите, разве это незаконно? Надо было только организовать какую-нибудь сенсацию, что-то из ряда вон выходящее, что могло бы поразить общество и прессу. И это именно он подсказал мне решение. Человек с кинжалом должен сбежать! Он покинет дом и согласится вернуться только за крупный выкуп. Иными словами, он примет решение жить за собственный счет, что вполне согласуется с его легендой.

— Бедный мой друг! — покачал головой врач. — И ведь действительно, благодаря вам он фактически обрел плоть и кровь...

— Правда? Я решил организовать ему что-то вроде побега... сквозь стену. Но чтобы ни у кого не возникло сомнений, мне необходим был свидетель, пользующийся всеобщим доверием. И тут, дорогой мэтр, случай привел вас сюда, в Ла Шенэ, и я решил в тот же день осуществить мой план. Вот откуда возникли разрезанная картина и письмо, которые служили прологом к сенсации и

призваны были поразить воображение ваше и публики. А вечером произошло бегство Человека с кинжалом...

— Теперь мы знаем, что Леонард и Бенуа были вашими сообщниками,— заметил адвокат.

— Они мне бесконечно преданы,— гордо ответил Руайер.— Они не сообщники, а друзья. Зная мои трудности, они согласились мне помочь, вот и все. Что касается Сесиль, то она совершенно ни при чем. Письмо на столик положил Бенуа. Он же, пока мы сидели за столом, вынул картину из рамы и открыл окно.

— А мы не слышали ни звука! — воскликнул доктор Доден.

По губам Руайера пробежало подобие усмешки.

— Когда я заглядывал в гостиную, Бенуа как раз всем этим занимался. Помните, я пошел удостовериться, все ли в порядке? Вы в этот момент еще считали, что ничего не может случиться.

Наступила тишина, которую через некоторое время нарушил мэтр Робьон.

— Значит, у вашего слуги был второй ключ?

— Да. Мне пришлось скрыть это от вас.

— Должен признаться,— обернулся доктор к капитану,— иллюзия была полной. Мы были уверены, что с улицы в дом никто не может войти. Получалось, что, вырвавшись из рамы, Человек с кинжалом сбежал сам...

— Для того чтобы поддержать эту иллюзию,— снова заговорил Руайер,— я даже одел Леонарда в плащ и полумаску с кружевами. Он ждал на краю лужайки, а как только заметил движение в доме, побежал к изгороди. К сожалению, он бежал слишком быстро, так что никто его не заметил.

— Нет, я видел,— прошептал Без Козыря так тихо, что его услышал только мэтр Робьон.

— Во всяком случае, вы достигли цели,— за-

метил капитан.— Газеты были просто в восторге.

— Да,— кивнул Руайер.— Я не делал никаких заявлений, но мое молчание только подстегивало любопытство. Ах, как мне помогли журналисты! Благодаря им я начал получать совершенно неожиданные предложения, которые буквально вскружили мне голову. Я считаю, что в этом и было пагубное влияние на меня «Человека с кинжалом»... Сначала я решил продать картину одному американскому коллекционеру, который предлагал мне максимальную сумму. Но после «побега» и возвращения «Человека с кинжалом» я решил, что смогу получить с моего клиента значительно больше. Словом, обыкновенная биржевая спекуляция. Однако в последующие дни ко мне обратилось еще семь коллекционеров. Семь! Вы слышите? Из них четыре американца, два англичанина и один бразилец. Все невероятно богатые. И среди этих семи были люди, которые, я подозревал, имеют в своей коллекции ворованные полотна. Такое нередко случается. Вы знаете, что пристрастие к шедеврам, желание обладать уникальной вещью заставляет некоторых коллекционеров совершать безумства.

— Но это же глупо! — воскликнул капитан.— Они даже не могут никому показать ворованные картины, иначе ими сразу заинтересуется полиция.

— Конечно, они хранят их исключительно для себя. Когда у меня была галерея, мне приходилось выслушивать самые невероятные признания. Вы бы просто не поверили... Словом, я увидел возможность получить в три-четыре раза больше, чем намечал ранее. Мне надо было только изготовить несколько копий с «Человека с кинжалом». После этого он должен был исчезнуть, на этот раз окончательно, а так называемый похититель тайно предложил бы купить его нескольким тщательно отобранным коллекционерам. Я ничем не рисковал;

никто из них не стал бы об этом шуметь. Каждый думал бы, что владеет оригиналом. А я бы получил большие деньги.

— Сколько? — спросил капитан.

— По крайней мере по три миллиона за каждую сделку.

— Ого! Да, игра стоила свеч... При условии, конечно, что у вас был подходящий для этого дела посредник.

Руайер кивнул.

— У меня был один такой на примете. Старый художник-итальянец, который, несмотря на неоспоримый талант, так и не сумел пробиться. Когда-то я оказал ему одну услугу... В общем, я вызвал его, и он приехал с сыном. Он инвалид, и сын помогает ему передвигаться. Это его голос вы, мэтр, слышали по телефону — помните, он еще потребовал, чтобы выкуп принесли к Затерянной башне? В этом деле мне тоже был необходим свидетель и посредник, абсолютно безупречный и нейтральный. Извините меня!

Руайер снова замолчал. Видимо, он ждал реакции адвоката, но тот только сказал:

— Но тут вмешался Франсуа...

— О! Я на него не в обиде. Даже наоборот. Я считаю, что на мальчика тоже влияла эта проклятая картина. Вы, может быть, заметили, что то и дело происходило какое-нибудь событие, которое заставляло меня заходить дальше моих первоначальных намерений. Как будто какая-то посторонняя сила завлекала меня все дальше и дальше... Возьмите, например, случай с Франсуа. Из самых лучших побуждений он заменил деньги старыми журналами, и вы тут же решили, что разгневанный вор непременно мне отомстит. А я представил себе, какая была бы сенсация, если бы я, в свою очередь, тоже исчез! Месть Человека с кинжалом!

Великолепная возможность еще больше поднять цену за картину...

— Аукцион несчастий! — улыбнулся мэтр Робьон.

— Вот именно! Так вот, утром я поехал в коляске на мельницу, где еще раньше поселил двух моих итальянцев. Это уединенное место, и туда никто не ходит. Так я оказался в руках таинственного мошенника...

— А как вы собирались действовать дальше? — поинтересовался капитан.

— Примерно как и в первый раз. Я послал в замок письмо, в котором потребовал не только выкуп, но, в качестве наказания, еще и картину. Ведь надо было сделать вид, будто картина снова исчезла, чтобы потом тайно предлагать ее моим коллекционерам...

— Продолжайте, — сказал мэтр Робьон.

— Ваш сын снова сорвал выполнение моего плана. Он у вас мальчик способный и очень мне нравится... Я отослал коляску в Ла Шенэ, приколол к сиденью письмо с угрозой. Но я даже не предполагал, что кто-то воспользуется помощью Бланшетты, чтобы меня найти! Хотя это вполне логично... Когда Франсуа приехал на мельницу, мы как раз разговаривали со старым Джованни и его сыном. Мои клиенты спешили, они хотели немедленно получить ответ, а я еще не знал, сколько времени потребуется, чтобы сделать копии с картины. Ведь она все еще висела в гостиной, а работать там он, разумеется, не мог.

Хозяин замка вытер пот со лба и перевел дух.

— Итак, мы сидели и разговаривали, как вдруг вдали послышалось ржание. Это Бланшетта везла к нам Франсуа. Мы действительно испугались, но потом я понял, что смогу использовать и эту ситуацию. Со мной была одежда, которую ранее оде-

вал Леонард и которую я забрал из Ла Шенэ. Сын Джованни быстро оделся, а я устроился на диване. Теперь нам оставалось только ждать. Я был уверен, что мальчик, проявивший такую находчивость, чтобы обнаружить место, где я нахожусь, ни за что не уедет обратно, не увидев, что происходит на мельнице.

Руайер прокашлялся.

— И действительно, Франсуа заглянул в окно и заметил меня. Разумеется, он решил, что я пленник. Затем он увидел Человека с кинжалом — и тогда уже окончательно поверил в то, что меня надо спасать. Но потом он свалился с лестницы, пытался убежать, упал и потерял сознание. Все это было нам на руку. Мы перенесли его на мельницу, и когда Франсуа пришел в себя, у него создалось впечатление, что он, как и я, в плену у бандитов. Извини меня, Франсуа. Я тебя обманул, я играл комедию, и мне стыдно. Но я слишком далеко зашел, и отступать было уже поздно. Я уже начинал сожалеть о том, что все так получилось! Ты был такой храбрый и такой доверчивый!

Без Козыря не мог вымолвить ни слова. Он вспомнил ночь на мельнице, вспомнил, как Руайер его поцеловал... Нет, это все-таки был не злой человек! Но Без Козыря понял также, что такое власть денег. А Человек с кинжалом был воплощением причиняемого ими зла. И та страсть, которая горела в его голубых глазах, выражала именно это! «Не поддамся никогда!» — думал Без Козыря. Ему было очень больно. Незаметно для себя он входил в трудный мир взрослых...

— Все ясно, — подытожил капитан.

— Но вы понимаете, что я не вор? — повернулся к нему Руайер. — Я вправе свободно распоряжаться моей картиной и моими деньгами.

— Может быть. Но вы занялись тем видом

коммерции, которая называется просто: мошенничество. И вы злоупотребили нашим доверием.

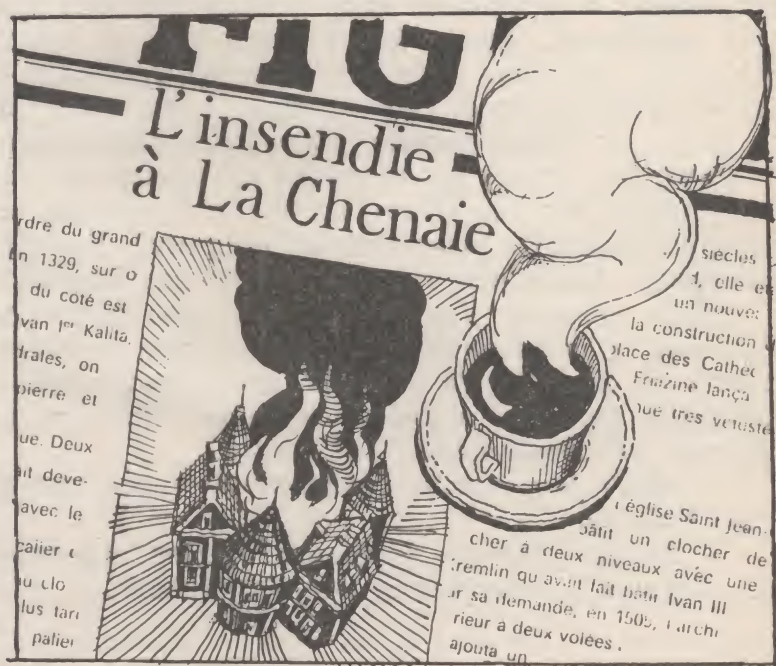
— О! Я лично не в обиде,— махнул рукой мэтр Роббон.

— А я в обиде!— воскликнул капитан.— Вы позволяете себе смеяться над правосудием! Я мог бы обвинить вас в неуважении к...

Доктор Доден прервал его.

— Не забудьте,— сказал он примирительно,— что мсье Руайер в свое время перенес тяжкое испытание, которое сильно подорвало его здоровье. Речь идет не только о физическом здоровье. Я полагаю, что мсье Руайера можно было бы простить.

— При одном условии,— буркнул капитан.— Во-первых, я требую, чтобы этот Джованни и его сын немедленно покинули Францию. Кроме того,

чтобы исключить возможность спекуляции, эта картина не должна больше покидать ваш дом. Доктор Доден, который будет регулярно вас навещать, проследит за тем, чтобы «Человек с кинжалом» оставался на своем месте!

Прощание было тягостным. Все трое молча прошли мимо поникшего хозяина замка, и никто не пожал ему руки. Без Козыря хотел было остановиться, но отец твердой рукой подтолкнул его в спину.

— Несчастный! — произнес врач, садясь в машину.

Новость дошла до них три недели спустя, когда семья Робьонов, пробыв некоторое время в Кермоле, вернулась в Париж. Они больше не говорили о Человеке с кинжалом: мэтр Робьон объявил эту тему запретной. Однако Без Козыря знал из газет, что замок Ла Шенэ сгорел, а господин Руайер погиб во время пожара. Слугам удалось спастись, но от дома остались только обгорелые развалины.

Вечерние газеты расписывали происшествие во всех подробностях. Огонь возник в кладовых и распространился с невероятной быстротой. Усилия пожарных оказались тщетны: почти все картины и мебель сгорели. Уцелело только одно полотно, «Человек с кинжалом», которое чудом удалось спасти из огня. Узнав об этом, несколько коллекционеров заявили о своем желании приобрести картину за любую цену.

— Надо же, какое совпадение! — воскликнул мэтр Робьон.

— Может быть, — загадочно пожал плечами Без Козыря. — А может, и нет. Кто знает?..

СОДЕРЖАНИЕ

ТАЙНА ЛОШАДИ-ПРИЗРАКА 3

ТАЙНА ЧЕЛОВЕКА С КИНЖАЛОМ 125

Буало-Нарсежак

**ТАЙНА
ЧЕЛОВЕКА
С КИНЖАЛОМ**

Редактор *Л. Аронова*

Технические редакторы *Л. Самсонова, Л. Фирсова*

Корректоры *Ж. Бендерская, А. Лазуткина*

ЛР № 063742 от 13.12.94. Сдано в набор 27.06.95. Подписано в печать 10.10.95.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура таймс. Печать высокая. Усл.
печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 11,36. Тираж 35 000 экз. Заказ № 843. С 23.

ТОО «Коллекция «Совершенно секретно».
109004, Москва, ул. Земляной вал, д. 64, кор. 1.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Комитета Российской Федерации по печати. 170040,
Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Он резко вскочил, кинулся
к двери в гостиную — и вскрикнул.
Картина исчезла! Окно в сад
было открыто; ночной ветерок
шевелил драпировки.
Высокий силуэт мгновенно
растворился во тьме.
Франсуа едва успел
разглядеть его
красный плащ.
Человек с кинжалом
сбежал.

